

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантлаба»

КАРИНА ДЕМИНА

The illustration depicts a woman with long, dark, wavy hair styled in a braid adorned with colorful beads and feathers. She has a serious expression and is wearing a red and black patterned dress. A yellow dragon with green spots is perched on her shoulder and another is being held in her arms. The background is a dark, fiery red with glowing orange embers and a large, dark, scaly dragon wing or tail behind her. The overall style is detailed and atmospheric.

ДРАКОНИИ
БЕРЕГ

Идеальное фэнтези

Карина Демина

Драконий берег

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Драконий берег / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2022 — (Идеальное фэнтези)

ISBN 978-5-17-137008-4

Новая Америка. 1936 год. Серийный убийца охотится за блондинками, из которых делает чучела. Когда внимание полиции становится слишком назойливым, Чучельник просто исчезает. 1951 год. Песчаная буря вскрывает могилу, извлекая новые тела. И федеральный агент Лука получает шанс завершить проваленное однажды дело. Нити его ведут в крохотный городок на Драконьем берегу. Долькрик – тихое место. Здесь чтут память и семейство Эшби, основавшее город, умеют хранить тайны, а еще знают, что порой не стоит слишком уж рьяно копаться в прошлом. Впрочем, у Луки свое мнение. И отступить он не намерен. Даже перед драконами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137008-4

© Демина К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Карина Демина Драконий берег

© К. Демина, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

На кладбище было тихо.

Здесь, в принципе, всегда было тихо, но сегодня как-то особенно. И близость бури почти не ощущалась, разве что по небу поползли белесые полосы, предупреждая, что не стоит задерживаться. Мертвецам ничего не грозит, а вот живым стоит задуматься о будущем.

Ник протянул кукурузную лепешку.

Теплая еще. И пахнет по-особому. Такие печет лишь миссис Клопельски. Не знаю, что она добавляет в муку, но получается вкусно. Я вытянула ноги, без зазрения совести пристроив их на зеленый холм могилы, и сунула лепешку в рот.

В животе заурчало.

– Опять не обедала? – Ник укоризненно покачал головой.

– Опять, – согласилась я.

С Ником на редкость легко соглашаться. Он лишь вздохнул и протянул флягу. С чаем. Пожалуй, Ник единственный человек в нашем городишке, который носит во фляге чай. Он сам смешивает чайные листья с чабрецом, добавляет мяту, сушеные ягоды барбариса и еще что-то. Получается вкусно.

– Может, потом к Фло заедем? – он предложил это не из вежливости. Ник знал, что плевать я хотела на вежливость и приличия, но ему и вправду было не все равно.

Я покачала головой и на небо посмотрела:

– Буря скоро.

– Может, еще не будет. – Он выдернул тонкий стебель сухоцветника, что пробился сквозь плотное покрывало вечнозеленой травы.

– Будет. И сильная.

Хмыкнул. Но поверил. Ник знал, что мне стоит верить больше, чем утреннему прогнозу погоды, в котором нам обещали ясные солнечные дни. Нет, солнце жарило, впрочем, как вчера и позавчера, но...

Буре быть.

Я чувствовала ее всей своей шкурой, как и то, что кому-то придется туго.

– Старики уже второй день по пещерам, – ему не было нужды объяснять, но и молчание стало невыносимым. – А сегодня и молодняк попрятался.

– Драконы не ошибаются.

– Драконы не ошибаются, – согласилась я, дожевывая лепешку. Заодно уж вспомнилось, что дома пусто. Консервированная фасоль, так здорово выручавшая меня, и та закончилась, не говоря уже о другой, более приемлемой, с точки зрения Ника, еде.

Главное, чтоб в светлую голову его не втемяшилось спасать меня от голода. Денек-другой я продержусь. Вяленое мясо, в конце концов, никуда не делось.

И мука есть. Где-то с четверть мешка. Главное, просеять, а то стоит давно, мало ли что в ней завелось. Яйца наверняка протухли, а вот бочка, та полна.

За водой я следила. Только за ней, пожалуй, и еще за драконами.

Ник протянул вторую лепешку и сказал:

– Я захватил кое-чего. Возьмешь?

– Возьму.

От него – да.

– Замечательно, – он расплылся в улыбке. И я подумала, что Зои повезло... то есть раньше, до того, как... И лепешка изрядно утратила вкус.

– Как она?

Я не хотела думать о ней. И о Нике.

Я даже не пришла на их свадьбу, что было глупо, и Вихо, тогда еще живой, обозвал меня ревнивой дурой. Ложь. Отчасти. Дело ведь не в моей бестолковой влюбленности, которую я старательно скрывала, а Ник так же старательно делал вид, будто знать ни о чем не знает.

Просто я видела, что Зои он не нужен.

И видела, как Ник смотрит на нее. Мне было больно от этого несоответствия. И еще я знала, что дурной мой нрав не позволит промолчать. Как знала и то, что правда, мной озвученная, на самом деле никому не нужна. Так зачем?

Тот день я провела в пещерах. И следующий. И много-много дней после. С драконами оно как-то проще.

– По-прежнему, – по лицу Ника скользнула тень. – Иногда... ей становится лучше. В хорошие дни она даже пытается говорить, и тогда я думаю, что надо еще немного подождать. Просто подождать.

Я дотянулась до светлых его волос. Легкие, словно пух. И мягкие.

От Ника пахнет дезинфицирующим раствором, который он возит с собой, и еще воском, и больницей, хотя больницы у нас в городе нет, а вот поди ж ты...

– А потом хорошие дни заканчиваются, и она вновь перестает меня узнавать. Я нашел одно место рядом с Вашингтоном. Списался со своим учителем. У них рабочая группа как раз посвящена реабилитации после инсульта. Комплексная методика. Экспериментальная. И он согласился принять Зою.

– Это хорошо?

Странно, что сочувствия к Зою я не испытывала.

Нет, мне было жаль ее, но жалость эта была совершенно абстрактной, какой-то отделенной от прочих эмоций.

– Наверное. Не знаю. Придется ехать с ней. А значит, бросить здесь все...

– И мисс Кольман с ее мигренями?

– И ее, – Ник слабо улыбнулся. – И простатит мистера Руфуса, и многое иное. Я не знаю. Я понимаю, что здесь... меня, по сути, ничего не держит.

Обида сдавила сердце. И Ник ее услышал:

– Кроме тебя. Но ты ведь поймешь?

– Пойму.

И смирюсь, как смирилась с тем его нелепым романом. Как же, королева школы, прекрасная Зою Фильчер, которую любили, казалось бы, все в жалком нашем городишке. И видят боги, я не понимала почему. Светлые ли волосы тому причиной? Или огромные голубые глаза, вечно распахнутые, будто бы весь этот мир, все люди его несказанно удивляли Зою.

Хрустальный голосок. Смех словно звон ручья. Розовые ноготочки.

– ... Не лезь, куда не просят, полукровка, иначе пожалеешь...

Она умела притворяться милой девочкой, Зою Фильчер, и столь хорошо, что ей верили все. Даже я попыталась. Ради Ника.

– Я бы и тебя позвал, но ты же их не оставишь?

– Не оставлю.

Или оставлю? В какой-то момент мне мучительно захотелось, чтобы Ник и вправду позвал меня, чтобы сказал: мол, давай уедем из этой пыльной дыры? Возьмем Зою, раз уж без нее никак, и рванем в Вашингтон. А там, в большом городе, найдется место для всех. В том числе для жалкой полукровки, не умеющей ничего, кроме как говорить с драконами. Только откуда в столице драконам взяться?

Но я бы поехала. Я бы...

– Оставишь, – Ник погладил мою руку. – А потом усохнешь от тоски. Я тебя знаю, Уна.

Знает. Лучше, пожалуй, меня самой. И наверное, это знание связывает нас куда прочнее, чем узы крови.

– А ты как? – Ник провел пальцем по моей ладони.

– Как обычно.

Ветер, пробравшийся за ограду, коснулся травы, испугнул кузнечика, который запрыгнул на камень. А потом спрыгнул, вновь растворившись в этом зеленом море. Ветер же, лизнув шершавый песчаник, запутался в тонких нитях ловца душ.

Зашелестели ракушки, повернулась паутина, задев камень. И показалось вдруг, что Вихо рядом, что...

Показалось.

– А твой...

Я покачала головой:

– Больше не появлялся.

– Это ведь хорошо?

– Да... наверное.

Рука заныла. И ребра. И ощущение постороннего присутствия стало почти невыносимым. А следом пришел страх. Вдруг... вдруг я ошибаюсь?

Билли убрался? Вот так взял, сложил свое шмотье, прихватил мои двести баксов, которые, как мне казалось, я спрятала надежно, и...

Ник обнял меня. А я позволила обнять. Вдохнула этот его родной больничный запах, закрыла глаза, отрешаясь от места и шелеста ракушек, притворявшегося голосом.

– Он не вернется, – Ник гладил меня по спине. – Он ушел и не вернется... никогда... Просто поверь.

– Верю.

Наверное.

Пока деньги не закончатся, а у Билли они текут, что вода сквозь пальцы. И когда он поймет, что вновь проигрался... или нет? Полгода прошло.

Полгода – это срок? Срок.

И стало быть, он и вправду ушел. Отыскал себе новый городишко, а в нем – новую дуру, которой мечталось о счастье. И теперь уже на ней вымещает раздражение.

Какое мне дело? Никакого.

– А давай ты к нам переедешь? – Ник отстранился, и я поспешно отодвинулась. – На время? Пара недель...

– Зачем?

– Просто так.

– Слухи опять пойдут. – Я тронула ловца пальцем, и тот нырнул сквозь плетение, застряв в нем. Тонкие веревочки натянулись, и показалось, что вся эта по сути своей нелепая конструкция вот-вот развалится.

Мать придет в ярость. И скажет, что я не уважаю покой брата, как и заветы предков. И будет права. Я не уважаю его покой. Я... я до сих пор не простила Вихо за то, что он так глупо умер. Умер и оставил меня.

– Пускай себе, – Нику было плевать на слухи, как, впрочем, и мне. Мы оба знали, что дело не в них. Что в любом ином случае я бы воспользовалась его предложением, что... Проклятье, мне хочется этого.

Хочется тронуть кружевную калитку. И ступить на дорожку из желтого песчаника. Вдохнуть тяжелый аромат розовых кустов, которые высаживал еще отец Ника. Заглянуть в мастерскую, пристроенную к дому, и убедиться, что ничего-то там не изменилось. Я бы прошлась вдоль массивных шкафов, пересчитала бы инструмент, аккуратно разложенный на полках. Присела бы у груды свежих опилок, зачерпнула бы горсть...

Я помнила этот запах – лака, масла и канифоли. Свежего дерева. Горячего металла.

А ту дверь, что вела из мастерской в дом, ее ведь не заколотили? Не должны были... внутри вот все иначе. Зои после свадьбы решила, что прежние интерьеры ее категорически не устраивают.

– Не поедешь?

Я покачала головой.

В тот, прежний, дом я была бы рада вернуться, там меня не считали чужачкой или надоедливой полукровкой, а мистер Эшби, великолепный в черном своем костюме, именовал меня «юная леди». И общался, будто и вправду считал меня леди.

А я старалась.

– Дому требовался ремонт, – Ник не оправдывался, констатировал факт. В который уж раз. Порой мне начинало казаться, что все наши разговоры на этом кладбище идут по одному и тому же сценарию. Но, проклятье, это и успокаивало.

– Требовался.

Я понимаю.

И то, что он действительно любил Зою. А она любила его дом и состояние, которое можно было тратить. В том числе на дом. Я бы смирилась, если бы речь шла просто о ремонте. Дома в нем и вправду нуждаются, но то, что она сделала...

Убрала библиотеку, в которой я проводила часы, листая тяжелые, пахнущие пылью тома. А мистер Эшби лишь посмеивался. И порой снисходил до объяснений, если книга оказывалась совсем уж непонятной.

Она изменила голубую гостиную, ту, с окнами в пол и пустыней за ними.

Выбросила старую мебель. И патефон, купленный еще миссис Эшби. Ее я не застала, но мистер Эшби патефон любил. У него имелась коллекция пластинок, и я помню, сколь бережно, трепетно даже обращался он с ними. Пластинки отправились на чердак, как и портреты, ведь кому в современном мире дело до предков? То ли дело современные фото.

Зою. Естественно, Зою.

Она хотела вовсе перестроить дом на современный лад, но то ли Ник не позволил, то ли она не успела... главное, что нынешний дом был мне чужим. Как и его хозяйка.

Пусть Зою почти не говорит, а когда говорит, то речь ее невнятна. Пусть она не способна ходить, да и ложку держит-то с трудом. Пусть в ней не осталось ничего от той королевы школьного бала, которую я помню, но... она по-прежнему меня ненавидит.

Теперь еще и за то, что я жива.

– Мне жаль, – сказал Ник.

А я поверила.

Ему и вправду жаль.

Я успела подняться на холм до того, как буря расправила крылья. Она налетела с востока, тяжелая, темная, гремящая песками.

Ударил наотмашь, и провода загудели, предупреждая, что наше захолустье вновь останется без связи. Сыпанула колючим песком, скорее забавляясь, чем и вправду желая причинить вред.

Я отогнала машину в гараж. Заперла двери.

Опустила щиты на окна, отметив, что на южном креплении совсем заржавели. Их стоило бы поменять еще при Дерри, но тому все было некогда. И мне.

Буря позволила. Разве что толкнула в спину, коснулась шершавой лапой волос, будто примеряясь, и отступила. Так бывает – несколько мгновений тишины, когда воздух одновременно горяч и сладок. И сладость эта расплывается по языку. Этот воздух хочется пить.

Я пью. Я напиваюсь допьяна. Я закрываю глаза, позволяя миру быть услышанным. Недаром ведь моя бабка была из Мудрых, хотя кто в просвещенном городе белых людей верит в мудрость айхоха? Но теперь я слышала.

Песню гор. И стук огненного сердца, спрятанного под скалистой их подошвой. Бурление воды в родниках, что поднимаются, разливаясь горячими озерами.

Серные грязи. Близость моря. И отчаянную радость старика, готового к последнему своему полету.

Стало быть, Изумруд... скорее всего, Изумруд. Время пришло. Он давно уже почти не выбирался из пещер, почти все время проводя в серных ямах. Но и горячие грязи не приносили облегчения.

Изумруд был стар. И... буря примет его.

Легкого полета.

Я нырнула в дом за мгновение до того, как буря, очнувшись, ударила со всею своей силой. И хижина Дерринжера содрогнулась. Раздался скрип, сменившийся стоном. И новый удар.

Крыша держится. Я ее укрепляла в позапрошлом году. И подумывала даже сменить полностью, поставив новую – чтобы красная черепица и специальные ветроблокирующие щиты.

Но появился Билли. Любовь.

– ...Разве любовь не важнее какой-то там крыши? Что ты, детка, сама подумай, на кой тебе эта дыра? Тебя ждет весь мир. Нас ждет...

Мир молчал.

Он притих, готовый принять наказание. К вечеру шоссе, связывающее городок с большим миром, засыплет, а с ним и южные берега. Море поглотит песок и полтора десятка лодок. В новостях напишут об очередных разрушениях, с которыми городские власти борются.

Канализация засорится. А трубы где-нибудь всенепременно сорвет. Бури случались каждый год, всякий раз, как водится, неожиданно.

Я спустилась в гараж, чтобы вытащить из машины коробку с едой. Включила радио, послушала белый шум и выключила.

Запела.

Заткнулась, вспомнив, что пою я преотвратительно, да и вообще... делом бы заняться. Я и занялась. В коробе нашлось много чего. И банки с фасолью в томатном соусе, причем с красной, Ник знал, что белую я тоже ем, но красная мне нравится больше.

Кусок окорока. Вяленая колбаса кольцами, сдобренная чесноком столь щедро, что я заурчала. Хлеб.

И тушенка. Арахисовое масло. Кленовый сироп и даже блинчики к нему, сложенные аккуратной стопкой и обернутые в промасленную бумагу.

– Спасибо, – сказала я.

И послышалось, как за спиной кто-то ответил:

– Пожалуйста.

Я замерла.

И положила руку на нож, который был рядом. Это прикосновение успокоило. В доме нет никого... в доме никого не может быть. В доме...

Я обернулась.

Пустота. Темнота. Старик долго не желал признавать прогресса, обходясь керосиновыми лампами. А электричество я провела уже потом, после его смерти. И вспоминать не хочу, во что мне это обошлось.

Уровень керосина проверить все же стоит.

Лампа под потолком мигнула, подтверждая, что электричество у меня в доме ненадолго. И погасла. Я же стиснула рукоять ножа.

Понимаю, что глупо. В доме нет никого. Я ведь чувствую, что нет никого...

И Билли никогда не прятался. Если бы он вернулся...

Во рту пересохло.

Он бросил бы мотоцикл во дворе. Краги в коридоре. И куртку там же. Он принес бы запах пива и виски, который пропитал не только его, но и одежду. А следом появился бы сладковатый аромат травки. К ней Билли пристрастился давно. И если бы я поняла...

Я потеряла занывшие ребра.

Переломы давно срослись, как и все предыдущие. Нож отправился в сапог, а я обернулась. Дом пуст. Темен. Страшен, как я слышала. В нем больше не осталось мужских запахов. Даже в подвале, который Дерри выкопал, чтобы прятать там самогонный аппарат, больше не пахло брагой.

Никого здесь нет.

– Никого здесь нет, – повторила я вслух, но получилось не слишком убедительно. – Уна, возьми себя в руки...

Руки дрожали.

Я сильная женщина? Слышала и такое, от мисс Уильямс, которая до сих пор работает в школе, пытаюсь воздействовать на умы и души местных туповатых детишек. Сильная... сильная не дрожала бы сейчас, закусив губу до крови.

И сумела бы поставить ублюдка на место.

Сильная не связалась бы с подобным Биллу. У него на лбу написано было, что он ублюдок и вообще... Сильная не позволила бы избивать себя.

День за днем. Час за...

Буря плакала. И я тоже. Я стояла, сжимая в руке хвост от чесночной колбасы, и терла, терла слезящиеся глаза, убеждая себя, что это песок виноват.

Местный песок вреден для глаз, и когда буря закончится, я поеду к Нику, пусть посмотрит.

Я вздохнула и, всхлипнув в последний раз, сунула колбасу в рот.

Никуда я не поеду.

И песок ни при чем. И вообще, мама права, я ничтожество, которое появилось на свет по ошибке. И хуже того, задержалось на этом свете.

Этого не исправить. Во всяком случае, у меня не хватит смелости.

Глава 2

Кофейный аппарат вновь сломался, окончательно убедив миссис Облонски в собственной незаменимости. И осознание этого факта заставляло ее сильнее вытягивать шею, и без того длинную, бледную, стиснутую лентой кружевного воротничка. Кружевными были и манжеты блузы, выглядывавшие из рукавов форменного пиджака, который напрочь лишал и без того плоскую фигуру миссис Облонски всякого намека на женственность.

Ее это возмущало.

Примерно так же, как возмущали лодочки на низком каблуке, бесцветный лак и необходимость мириться с кофейным аппаратом, в котором миссис Облонски мерещился конкурент.

Она скривилась.

Изобразила улыбку, совершенно неискреннюю. И мягким, совершенно несообразующимся с костлявой ее фигурой голосом произнесла:

– Вас уже ожидают.

Три слова, но в них слышался и мягкий упрек, и недоумение, и обида, будто своим опозданием Лука поставил ее в положение крайне неудобное.

– Благодарю, – он поставил на стол фарфоровую кошечку. – А это вам...

Кошечек миссис Облонски собирала. Поговаривали, что не только фарфоровых, но в это Лука не особо верил, ибо не походила миссис Облонски на человека, способного ужиться с живой кошкой. А вот фарфоровых она принимала охотно.

И Лука был удостоен милостивого кивка, а с ним предупреждения:

– Мистер Боумен нынче изволит пребывать в крайне расстроенных чувствах. Он дважды просил кофе без сахара. С его-то давлением...

Мистер Боумен стоял у окна.

Огромное, в человеческий рост, оно служило предметом зависти многих, равно как и способом продемонстрировать реальную власть этого тихого, сероватого человека.

– Лука? – мистер Боумен со своими пятью футами роста едва ли доставал до плеча Луки. И туфли на особом каблуке не слишком прибавляли ему росту. – Проходи, мальчик мой. Как съездил?

– Нормально. Отчет...

– Читал, – мистер Боумен махнул рукой. – Краткость, она, конечно, нужна, но не до такой степени... По личным впечатлениям что?

– Да ничего. Обыкновенное захолустье с его захолустными проблемами.

По правде говоря, к маленьким городкам Лука относился с некоторым предубеждением. Чудилось ему потаенное желание их и людей, в них обитавших, затянуть Луку в болотце своего бытия.

– И шериф, выходит, знал?

– Знал. Там все обо всех знают. Покрывал. Но доказательств нет. Так, ощущения, – Лука присел.

– Плохо, что нет. Тронем – пресса не поймет. Оставим... мерзкое дельце.

Мерзкое. Но не мерзее прочих.

Три пропавшие девушки. Точнее, их было больше, но заявили о трех. А дальше просто. Брошенный дневник. Письма, перевязанные ленточкой. Любовь на словах.

Счет за телефон.

Городишко, где никто не слышал об Элизе Грон, зато все пребывали в уверенности, что такой классный парень, как Айзек, не способен сотворить зло.

– Они с папашей этого отморозка приятельствовали. И когда появились... странности, решили, что ничего страшного, главное, чтоб приличных людей не трогал.

Айзек и не трогал, обходясь шлюхами, пока шлюхи не приелись. Что за удовольствие в охоте, когда жертва сама идет в руки?

То ли дело...

– Доказательства?

– На него хватит. Там целый сарай доказательств. Наши еще работают. Да и запираяться он не стал. Напротив, счастлив, особенно когда эти шелкоперы пронюхали, – Лука скривился.

Журналистов он не любил, пожалуй, еще больше, чем маленькие городки.

– Он жаждет славы. И он ее получает.

Мистер Боумен склонил голову, то ли соглашаясь, то ли сочувствуя. Он поправил красный галстук, разительно отличающийся цветом от обычной серой его одежды.

Вздыхнул. И сказал:

– Чучельник вернулся...

– Что? – Луке показалось, что он ослышался.

Мистер Боумен не спешил с ответом. Он стоял, сцепив руки за спиной, и смотрел на город. С двадцатого этажа небоскреба тот казался игрушечным.

Дома и домики. Машины. Людишки.

Все бегут, все спешат. У всех свои дела, в которых им нет дела до людишек других. И в этом есть своя прелесть. Сверкают витрины, манят роскошью. И кажется, что если бежать немного быстрее, то когда-нибудь и ты...

...Матушка опять прислала письмо, жалуясь на то ничтожное содержание, которое ей отведено. И на подруг. На погоду, ставшую совершенно невозможной. На здоровье, требовавшее курортного отдыха, желательного где-нибудь на побережье. На отца, вновь оставшегося равнодушным к ее жалобам. Ему не было дела до старой жены, когда имелась новая. И на Луку она тоже жаловалась.

Что ему стоило пойти в бизнесмены? Прикупить нефтяной участок, обеспечивший бы безбедную жизнь родной матери. Все так делают, а он... Раз уж повезло стипендию выиграть, мог бы и университет выбрать приличный, стать человеком, чтобы мама гордилась.

Старшим агентом мама гордиться не могла.

– И вернулся он давно, – мистер Боумен перекатился на пятки. – Можно сказать, совсем не уходил.

Голос его был тих и печален.

– Как?

– На Драконьем берегу случилась песчаная буря. Впрочем, там они случаются частенько, но эта была особенно сильной.

Лука повернулся к карте, занимавшей всю стену. Поговаривали, что ее рисовали специально для мистера Боумена, а потому она была куда точнее иных, продававшихся в магазинах.

– Задело и третье шоссе, а на нем – парочку идиотов, которым вздумалось самим поглядеть на драконов. Выехали они из Питллвика, а вот до побережья так и не добрались.

Питллвик Лука помнил.

Не сказать, чтобы совсем захолустье, но и до настоящего города ему далеко. Пара универмагов, огромный музей, почта и собственный кинотеатр как место паломничества всей округи.

Церковь, трижды его проклиная. Бар. Общество трезвости с пятничными собраниями и обязательным чаем.

Дом шерифа и открытая библиотека, которую держали три старушки. А еще сотни лавок, лавчонок и домашних ресторанчиков, что закрывались на зиму, чтобы открыться к новому сезону слегка обновленными. Знаменитые целебные грязи и минеральные источники, о которых даже в «Таймс» писали, пусть и на последней странице, однако все же... И до заповедника всего ничего.

Драконов в Питллвике любили.

Как не любить, когда беспокойства они в отличие от туристов не причиняли, а доход приносили немалый.

– Так вот, этих идиотов, конечно, нашли и даже вытащили, и даже живыми, – мистер Боумен снял очки. – А с ними откопали еще с дюжину тел, то есть не совсем чтобы откопали. Буря вызвала оползень, а там уж и принесло... да...

На карте городок гляделся крошечной точкой на паутине дорог. Вот и берег, резной, узорчатый. И пятно моря, которое, единственное, пришлось Луке по душе.

Он помнил его запах – йода, водорослей и чего-то еще, напоминавшего о больнице.

Шелест волн.

Песчаный пляж, обжитый людьми. Мальчишек, сновавших по этому пляжу. «Вода!», «Фрукты!», «Свежие газеты!» – мальчишки кричали и махали руками, отгоняя наглых чаек. Приезжие морщились и прятались под зонты.

Грызли яблоки. Чипсы.

Оставляли пакеты на песке и кривились, стоило к ним обратиться. Они, приезжие, выделялись краснотой кожи, которая моментально обгорала, несмотря на все кремы и лосьоны. Она вспухала пузырями, а те лопались, и шкура обвисала лохмотьями.

– Дюжина? – уточнил Лука.

Мистер Боумен тер стеклышки очков, и вид при том имел сосредоточенный.

– Пока дюжина. Наши выехали на место. Пытаются понять, откуда их принесло. В общем, кое-что уже доставили. Спустишься?

– А...

– Сам взглянешь. – Очки вернулись на переносицу, а мистер Боумен, слегка прихрамывая, подошел к столу. Он вытащил папку, которую протянул Луке. – Предварительное заключение...

Папочка была тоненькой. Серенькой.

Обыкновенненькой, впрочем, как и все, чем располагало Бюро.

Вот только брать ее в руки не хотелось, а уж открывать тем более. Казалось, что стоит распустить тряпичные завязки, и все изменится.

Необратимо.

Очки сдвинулись на кончик носа. А пухлые пальчики мистера Боумена уперлись в пухлые же его щеки, отчего выражение лица сделалось глупым, будто бы главе отделения вдруг вздумалось подурочиться, что было вовсе не возможно.

Чувством юмора мистер Боумен не обладал.

– Лука, если устал и откажешься братья, я пойму.

– Нет, – Лука вцепился в папку обеими руками. – Я взгляну. И соберусь...

– Погоди.

– Но...

– Успеешь. – Мистер Боумен захромал к карте и, остановившись перед ней, замер. Он ткнул пальцем в тот самый клятый городок. – Отдохни. Почитай, подумай. Заодно свяжись с местным отделением, пусть передадут статистику пропавших без вести. А главное, учти, что граница округа проходит вот здесь... – Палец черкнул чуть южнее городка, по тонкой линии административного деления. – И здесь.

Лука нахмурился. А ведь... три штата, сошедшиеся на клочке земли.

– Запросы по пропавшим уже отправили, но работать с ними придется тебе... по всей малой дуге.

Побережье в этом месте прогибалось полумесяцем, на котором хватило места дюжине городков, похожих друг на друга настолько, насколько могут быть вообще похожи захолустные курортные городки.

И что там найдут?

Впрочем, Лука знал. Ничего.

Нет, какие-то заявления будут, но местных Чучельник не трогал принципиально. Умная сволочь. Дьявольски умная сволочь. Он выбирал приезжих. Кто их хватится? Особенно тех, которые путешествовали сами, порой автостопом, полагая, что раз уж имеют они обыкновенное время от времени в церковь заглядывать, то ничего-то с ними не произойдет. А что произойдет, то по воле Божьей.

Идиоты.

О их пропаже заявляли, но, как правило, через месяц или два, обеспокоившись, что не пришла очередная открытка из очередного городка или любимый кузен совсем уж давно не объявлялся.

Их даже находили. Иногда.

Лука подошел ближе к карте и – немыслимая дерзость – провел ладонью по плотному полотну. Он чувствовал пальцами неровность бумаги и шершавые тончайшие линии чернил. Надо же, выходит, и вправду рисовали вручную, по старинке...

– Литл-Корн, Ма-Кааши... да, там неподалеку резервация, наши туда наведаются, но, сам понимаешь, айоха не горят желанием сотрудничать.

Лука смотрел.

Городки выстроились в одну линию. Они походили на бусины ожерелья, нанизанные на нить трассы. От этой нити отходили другие, устремлялись в пустыню, разрезая ее на части.

Седьмое шоссе.

Идет от Тампески, фактической столицы округа. Тридцать четвертое, которое давно стояло бы закрыть, практически пересекает пустыню. Сейчас почти заброшено, хотя и короче седьмого.

Сороковое. Идет вдоль побережья, упираясь в подножие Арагских гор.

Что еще? Плоскогорья.

Южная гряда, что уходила в самое море. Скалистые берега. Каменные стены. И пещеры, облюбованные драконами.

Лука заглядывал туда в прошлый раз. И в памяти осталось ощущение пыли, песка и жары. Полуразвалившаяся гостиница. Клопы и тараканы. Керосиновая лампа, служащая единственным более-менее надежным источником света.

Белые дома в колониальном стиле.

Люди, глядевшие на него с подозрением, будто заранее предполагающие за Лукой недоброе.

– Долькрик, – мистер Боумен слегка склонил голову. – Драконий заповедник.

И не только заповедник.

Научная лаборатория.

Десяток контор, скупавших не только чешую с костями, но даже драконье дерьмо, если повезет его достать. Школа. Церковь. В общем, все обычно, кроме того, что туристов в Долькрике не жаловали.

– Думаешь...

– Думаю, тебе стоит пообедать, а заодно почитать. И взглянуть, да... взглянуть на это стоит... К слову, Милдред возьмешь. И не кривись. Она умная. А уж это дело... – пухлый палец мистера Боумена скользил по линии побережья, не останавливаясь ни на одном из городков. – Лучше, если ты за ней присмотришь. И не кривись, не кривись. Ты-то должен понимать, что ее не за красивые сиськи тут держат...

Лука вздохнул.

Понимание пониманием, но... сиськи у нее и вправду красивыми были. А это отвлекало.

Глава 3

Лифт опускался медленно. Лука слышал, как гудят цепи, раскручиваясь, и думал, что однажды они все-таки не выдержат, и хорошо, если не в его смену.

Поговаривали, что в новом здании, которое почти готово и будет полностью отдано под нужды Бюро, этажей всего пять. Сверху. И лифты там поставят новые. Надежные.

Этот же скрипел, стонал, но опускался. Медленно.

Он остановился на третьем, приняв прехорошенькую машинистку, которая в одной руке держала кипу папок, а другой старательно поправляла взбитые кудряшки. Папок было много, как и кудряшек, а еще пахло от девицы ванилью, розами и кофе.

Лука отвернулся. И сделал вид, что не замечает обиды, мелькнувшей в синих очках.

Нет у него настроения для флирта. Да и место неподходящее. Мистер Боумен крайне негативно относится к интрижкам на рабочем месте, полагая, что подобное поведение весьма отрицательно сказывается не только на моральном облике коллектива, но и на его производительности.

В чем-то он был, пожалуй, прав.

Лифт задержался на первом, выпустив машинистку. И со скрежетом пополз ниже, в минусовую зону. Скрежет усилился, да и сама кабинка затряслась, грозя развалиться прямо сейчас.

Однако выдержала.

Здесь пахло не кофе, точнее, кофейный аромат терялся среди иных запахов, резких, едких, заставлявших кривиться.

Им не были помехой ни стальные двери, ни узкие жерла вентиляции, в которую теоретически они должны были уходить. И уходили. Частично.

Пункт пропуска. Журнал.

Подпись. Отпечаток пальца. Сканирующее поле, и камень остается зеленым, а стальная дверь открывается, позволяя Луке войти. Белый электрический свет, отраженный белыми же стенами, создает иллюзию бесконечности отдельно взятого коридора. И Лука вновь останавливается.

Здесь эхо рождается, чтобы умереть, увязнув в камне.

Неприятно.

И ощущение, будто шкуру живьем сдирают. Хуже только блокираторы. А ведь казалось бы, нижний, тюремный уровень отделен от лабораторий толстым слоем гранита, а тот, в свою очередь, экранирован свинцом, прикрытым сталью.

Не помогает.

И Лука ускоряет шаг. В лабораториях, где слой свинца удвоен, как-то все равно полегче. Да и деревянные панели, которые появились во многом благодаря мистеру Боумену, свое дают.

Третья секция отделена еще одним пропускным пунктом, и здесь от Луки требуют каплю крови, которая падает в горло уродливой жабы. Лука когда-то пытался узнать, кому вообще пришло в голову делать портативный анализатор в виде жабы, но... у Бюро имелись свои секреты.

Дверь отворяется с мерзковатым скрипом.

– Наконец-то, – миссис Ульбрехт отступает от стола, но лишь затем, чтобы махнуть рукой. И жест этот предназначен вовсе не Луке. – Вы определенно не спешите.

– Утром вернулся.

Для нее это не оправдание. Миссис Ульбрехт в принципе не признавала оправданий. Иногда Луке казалось, что сама почтеннейшая миссис Ульбрехт, американка во втором поко-

лении, как она любила повторять, давно уже не может считаться в полной мере живым человеком.

Плевать. Она лучшая.

– Это...

– С высокой долей вероятности я могу утверждать, что на представленных образцах имеется ряд повреждений, сходных как между собой, так и между образцами, полученными ранее.

Миссис Ульбрехт опустила маску. Сняла перчатки.

Отступила от стола и отправила их в мусорную корзину, где уже лежало десятка два перчаток. Шапочка упала на руки ассистенту, а халат – другому. Она осталась в темно-сером узком платье, с виду неудобном, а еще подчеркивающим нечеловеческую ее худобу.

– Впрочем, это лишь результаты первичного осмотра. Я отражу их в отчете, однако вы должны понимать, что лишь всестороннее исследование способно дать ответ на ваш, несомненно, важный вопрос.

– Я понимаю.

Многие отказывались работать с ней.

Жесткая. Нетерпимая к чужим слабостям. Идеальная во всем, что касалось патанатомии, она пугала обычных людей. Луку же восхищала. И главное, он был готов поклясться, что миссис Ульбрехт знает об этом восхищении, вполне искреннем. А потому принимает его.

И позволяет Луке чуть больше, чем прочим. К примеру, услышать ее частное мнение.

Миссис Ульбрехт разминает пальцы. И садится, не дожидаясь, пока Лука подвинет стул. Она принципиально не принимает помощь от мужчин, а еще отказывается становиться их прислугой.

Так говорят.

Кофе он наливает сам.

Варит его бледная девочка, слишком боящаяся миссис Ульбрехт, чтобы впечатлить ее, но при том в достаточной мере старательная, чтобы остаться при Бюро.

– Пока могу сказать, что сходство присутствует в той мере, когда может идти речь об идентичности. – Миссис Ульбрехт курит трубку.

Черную. С изогнутым мундштуком и янтарными вставками. И в этом видится очередной вызов обществу, хотя на самом деле ей глубоко плевать на общество.

Она любит трубку.

И табак, тот самый – терпкий и горький, дерущий горло. Дым поднимается к вытяжке, а тончайшая пелена защитного поля не позволяет ему расползтись по лаборатории.

– То есть...

– Выводы делать рано, – она смотрит снисходительно и где-то даже печально. – Двенадцать тел. Девять полных. И фрагменты как минимум трех разных экземпляров. Возраст некоторых определить сложно...

– Но вы...

– Полагаю, речь идет о пятнадцати – двадцати годах. – Она обнимала мундштук губами, делала вдох и зажмуривалась, а после выдыхала дым. – Самым свежим – меньше шести месяцев.

Кладбище.

Его, мать его, кладбище. И сердце стучит быстрее от понимания, насколько они все ошиблись. Чучельник не исчез, он просто скрылся.

– На всех телах... когда речь идет о телах, мне сложно сказать что-то по фрагментам черепа, кроме того, что на фрагментах этих присутствуют следы зубов мелких животных и отсутствуют следы обработки.

От дыма кружится голова. А кофе горек.

Миссис Ульбрехт пьет именно такой, дегтярно-черный, тягучий и горький. Сахар она не признает и редким гостям не предлагает. Впрочем, именно эта горечь и позволяет сосредоточиться.

– Полагаю, что кости разбросало бурей. Это в значительной мере затруднит идентификацию.

– А с теми, которые...

– Я передала реконструкцию в отдел поиска пропавших. Полагаю, к вечеру будут результаты. В остальном жертвам от семнадцати до двадцати пяти. Женщины. Почти все женщины, – уточнила миссис Ульбрехт.

– То есть...

– По меньшей мере одно тело из дюжины принадлежит мужчине. – Миссис Ульбрехт сделала глоток и пошевелила пальцами. – Девятый стол. Взглянешь сам.

Взглянет. И на остальных тоже.

– В остальном он остается верен типу. Женщины. Светловолосые. Полагаю, выраженно-европеоидного типа. Астенического телосложения.

Чучельник не трогал мужчин.

Только женщины.

Не слишком высокие. Худощавые. Обязательно светловолосые. Аккуратные. Чем-то неуловимо напоминающие домохозяйку на поздравительных открытках.

– На лицах присутствуют следы макияжа. Волосы коротко острижены. Парики высокого качества... – она перечисляла это, загибая тонкие хрупкие пальцы. – Образцы кожи я отправила на анализ, но полагаю, что речь может идти о дубильном растворе и искусственном удалении подкожного жира, как и о посмертном соединении костей.

Пустая чашка встала на край стола, а миссис Ульбрехт сцепила руки.

– Хочу отметить аккуратность работы. Натянуть выделанную кожу на мертвое тело не так и просто, да и собрать скелет, не упустив ни одной, даже самой крошечной кости, очень сложно.

О да, он был аккуратистом.

Он убивал, при том до сих пор не удалось выяснить, как именно. Он очищал кости от плоти, не оставляя ни единого куска мяса. Он выделял кожу, чтобы вновь натянуть ее на скелет, а недостаток плоти восполнял паклей, пропитанной специальным раствором. Он вставлял стеклянные глаза. И укладывал волосы.

Он делал им прически. И наносил макияж.

Он подбирал одежду в стиле тридцатых. Он был настолько скрупулезен, что выравнивал швы на чулках.

– Я полагаю, что испытываемое тобой чувство вины иррационально, – заметила миссис Ульбрехт, вдохнув свой горький дым. – Ты не имеешь возможности отвечать за действия другого человека. Других людей.

– Мы остановились.

– Пятнадцать лет назад.

– Мы решили, что если он перестал устраивать свои... выставки, то что-то случилось. С ним. С ублюдками тоже приключаются несчастья.

Легкий наклон головы.

Согласие? Сочувствие в той мере, в которой она вообще способна его выразить? И легче не становится. Пусть тогда Лука и не был старшим агентом. Пусть и решение о закрытии дела принимал не он. И не закрытие даже, а приостановление в связи с...

Какая, на хрен, разница?

Формулировки не имеют значения, а правда в том, что пятнадцать лет назад они застряли. Две дюжины мертвых девушек и ни одной зацепки.

Первую Чучельник оставил за столиком в кафе.

Бейсберри. Городок тихий, и летние столики на ночь не убирали. А утром официантка обнаружила раннюю гостью. Так ей показалось. Она ведь не сразу поняла, что эта девушка в розовой шляпке мертва. Она сидела, опершись на столик, держала в мертвых пальцах фарфоровую чашку. А второй рукой придерживала сумочку.

Гейл Ганновер, иммигрантка, студентка Виннескийского университета, будущий ветеринар, решившая отправиться в большую поездку.

Вторая нашлась в парке. На качелях.

Летящее платье, ленты в волосах. Туфельки на низком каблуке. Он прикрутил их к ногам леской, невидимой и прочной.

Элис Дантон. Парикмахер, приехавшая с подругами, с которыми она умудрилась рассориться незадолго до исчезновения.

Тела появлялись раз в несколько месяцев, а то и реже. Но всякий раз Чучельник устраивал настоящее представление, что не могло не остаться незамеченным.

Газеты подняли вой.

Бюро объявило награду. Подняли местных. Обратились к охотникам. Добровольцы прочесывали дороги и пустыню. Появились общественные патрули, а местные штаты были увеличены втрое. Только вот девушки продолжали пропадать.

И появляться.

Не сразу. В некоторых случаях между пропажей и появлением проходило несколько лет, как с Мейси Гудрейч, которая исчезла в тридцать первом, чтобы появиться в тридцать шестом.

А главное, он не повторялся.

Места.

Композиция. Представление для всех, которое наверняка доставляло уроду немалое удовольствие. Когда все вдруг прекратилось, никто даже не понял. Месяц. Второй. Третий. Полгода тишины. И год. Заявления о пропавших по-прежнему поступали, но светловолосых девушек среди них было не больше обычного. Да и находили многих.

Газеты устали.

Появились другие новости вроде перестрелки в Тахо или волнений среди черных. Либералы вновь сцепились с консерваторами, требуя каких-то прав, а на юге возродился ку-клукс-клан. Пошли слухи о скорой войне, которая вот-вот вспыхнет в Европе, и о том, что Федерация тоже в нее ввяжется. Конгресс вот-вот объявит о мобилизации, и, стало быть, пора готовиться к лотереям¹.

– Я даже не помню, кто первым сказал, что эта тварь сдохла. Но ведь всем понравилось. Пусть мы не нашли, однако... она сдохла. И выходит, свершилось божественное правосудие.

Миссис Ульбрехт хмыкнула. В Бога она верила куда меньше, чем в науку.

– И Вашингтон велел прикрыть дело. Думаю, если бы подвернулся кто мертвый, его объявили бы Чучельником, для надежности, но те, кто был, явно не годились на эту роль. И мы ушли. А выходит, что он не умер, что просто залег... и продолжал убивать.

– Возможно. – Трубка легла рядом с чашкой. Потом, позже, миссис Ульбрехт вычистит ее, избавив от остатков табака. Пройдет по люльке мягкой ветошью, особо остановится на янтаре, который без должного ухода имеет обыкновение тускнеть.

О трубке она заботилась куда больше, чем о людях.

– В то же время тебе не следует всецело сосредоточиваться на единственном варианте развития событий, априори считая его правильным.

¹ До 1973 г. армия США не была контрактной и формировалась за счет призывников. Сперва проводилась регистрация всех военнообязанных лиц, после чего – лотерейный отбор. В нашем мире США провели подобную мобилизацию в 1940 г., еще до вступления во Вторую мировую войну (здесь и далее прим. авт.).

– Подражатель?

Пожатие плечами.

Невозможно.

О девушках писали, это верно, но кое-какие подробности удалось скрыть. О снятой коже. О костях, которые скрепляли проволокой. О... выкрашенных волосах и духах, которыми едва ли не пропитали одежду.

«Венецианский закат». Дорогая марка.

Впрочем, все на них было недешевым, вот только где покупали одежду, выяснить так и не удалось. Кто-то даже предположил, что Чучельник сам ее шьет, но это было, право, чересчур.

– Или последователь, – миссис Ульбрехт поднялась, показывая, что перерыв закончен. – Идем, я покажу тебе его.

Глава 4

Девятый стол.

От прочих отличается лишь табличкой, прикрепленной на углу. А так – холодный блеск металла, стойка с инструментом, разложенным так, как привычно миссис Ульбрехт. Здесь же – защитная одежда. Не потому, что останки представляют опасность, но из-за опасения принести в них лишнее.

Лука без спора накидывает халат. Не застегивает – даже самые большие халаты для него тесны.

И шапочку надевает, хотя тончайшая ткань на его лысине смотрится глупо. Он берет перчатки, которые тоже тесноваты и жмут руки. Они лишь дань порядку: миссис Ульбрехт и в перчатках не позволит ему прикоснуться к останкам.

Она ревнива.

Она совершенна в этом своем обличье. И маска скрывает ее лицо, а глаза – удивительное дело – становятся огромными, выразительными.

Что до останков, то, высвеченные яркими лампами, они кажутся жалкими. Темные, буроватые, покрытые не то грязью, не то жиром, они лишь напоминают фигуру человека.

– Это определенно мужчина в возрасте до тридцати пяти лет.

Миссис Ульбрехт берет в руки череп и подносит к лицу. Луке кажется, что сейчас она вопьется губами в желтый рот, вытягивая душу.

Но нет.

– И он не является в полной мере человеком. Обратите внимание на выраженные надбровные дуги. И положение скуловых костей. Челюсти... в частности, верхние клыки.

– Думаете...

– Полукровка. Или даже квартерон. Вряд ли меньше, иначе признаки были бы не столь ярко выражены. У чистокровных айоха верхние клыки куда длиннее, а у людей разница нивелируется. То же касается зубов мудрости. Они прорезались, тогда как...

Мужчина. Айоха. Полукровка. Весьма интересно.

Миссис Ульбрехт вернула череп на место:

– Я проведу дополнительные исследования, но уже сейчас могу сказать, что он чем-то сильно разозлил вашего... Чучельника.

Это слово она произнесла с явным неодобрением. Миссис Ульбрехт полагала, что убийцам не стоит давать имена.

Она указала на левую кисть:

– Обрати внимание, фаланги пальцев отсутствуют. Срезаны. Чем именно, скажу позже.

Лука склонился над кистью. От останков пахло. Землей. Плотью. Гнилью. Можно ставить на кон годовую премию, что на сей раз Чучельник не стал возиться с выделкой шкуры.

– Локтевая кость сломана. Лучевая – почти раздроблена, но при этом наблюдаются следы сращения. На второй руке переломы в нескольких местах, причем... – она бережно подняла остаток руки, который не соединялся с телом. – Взгляни, видишь? На плечевой кости головка сильно деформирована. Она не соответствует суставной выемке. А соединение с лучевой и локтевой костями...

Миссис Ульбрехт легонько тронула остатки тех самых локтевой и лучевой, соединенных лишь полосами высохшего мяса.

– ...весьма условно. Есть ощущение, что кости растягивали. Я видела такое прежде.

– Где? – Лука подобрался.

Он мало понимал в костях, но, пожалуй, согласился, что парень, кем бы он ни был, крепко разозлил Чучельника. Чем?

Увидел что-то не то?

Слабовато верится. Свидетелей убирают, и Чучельник не стал бы церемониться. Но вот ломать кости, оставляя при этом парня в живых настолько, чтобы переломы начали заживать?

– Африка. – Миссис Ульбрехт бережно уложила кости на стол. – Лагеря Китченера, если вам это о чем-то говорит. Нет? Созданы во время Англо-бурской войны, так сказать, для защиты мирного бурского населения. Меня наняли, чтобы изучить захоронения. Так вот, в целях обеспечения порядка там практиковали ряд наказаний. В том числе и подвешивание за руки.

А череп не тронут.

Нет, Лука не мог утверждать со всей определенностью, но выглядел тот вполне целым. Свидетеля проще пристрелить или перерезать горло. Да и мало ли найдется способов убрать ненужного человека?

– Плечевые суставы под весом тела выворачиваются, связки растягиваются. И даже после прекращения воздействия человек длительное время ощущает его последствия.

– А здесь?..

– Я полагаю, что тело осталось в подобном положении и после смерти, когда мягкие ткани стали разлагаться. И да, животные до него не добрались, разве что крысы, но и то следы единичны. У вашего убийцы довольно чисто.

И сейчас Луке послышалось одобрение. Миссис Ульбрехт умела ценить чистоту.

– То есть его подвесили за руки и потом их...

– Сломали. Возможно, сняли, позволив частично зажить, но после вновь подвесили. Я пока не могу сказать, были ли иные переломы, кроме явных. Рентгенографию я заказала. Результаты...

Будут в отчете.

– Правая ступня отсутствует. Удалена искусственно. Спил аккуратный, я бы сказала, хирургический. На левой нет пальцев. Сухожилия повреждены. Кости... малая берцовая сломана на обеих ногах. Большая – на правой. Ребра... явные переломы на третьем, четвертом и пятом... но, подозреваю, это не все. Опять же, подробнее только по результатам рентгенографии.

– Опознать?..

– Я не думаю, что среди пропавших так много полукровок.

– Айоха вряд ли обращались бы.

– На нем одежда белых. Так что, полагаю, он жил среди них.

Я слушала бурю.

Ветер кружил над домом голодным зверем. Когти его царапали крышу, и та похрустывала, словно упрекая, что ж ты так, Уна?

Разве не понимаешь, что хорошая крыша куда важнее любви?

Электричество так и не вернулось. А керосина в бутылки осталось едва ли на треть. С водой дело обстояло куда как лучше. Все-таки некоторые вещи Дерри вбил в меня намертво.

Вода – это жизнь. А жизнь...

Я закрыла глаза, позволив себе слушать бурю.

Ветер... ветер порой приносил вещи, оставляя их на побережье надоедливymi игрушками. Иногда я находила доски или вот еще почтовые ящики, правда, последние – искореженными до невозможности. Однажды наткнулась на крыло автомобиля.

Или вот ботинок. Зачем буре ботинок?

Море... море было куда как избирательней. Мне было пятнадцать, когда я нашла мертвеца. Мужчину. Его слегка обглодали койоты, да и прочая хищная мелочь своего не упустила. Солнце изжарило кожу, и тело раздулось.

Воняло, помнится.

Так воняло, что меня долго выворачивало, но почему-то потом. В тот день я подошла к мертвецу. Я присела рядом, я вперилась в эту кучу грязной плоти, которая вдруг показалась чем-то удивительным, сродни тем детским сокровищам, которые прятались в разноцветных коробках.

У меня коробки не было.

И сокровища свои я скрывала под выломанной доской сарая. Пока мать не нашла.

Во время бури в голову лезет... всякое. Тогда я все же позвала Маккорнака, потому как в случае обнаружения трупов стоит позвать шерифа. А он потребовал вернуть то, что я стянула. И долго не верил, что я ничего не трогала.

И обыскал. И пригрозил посадить.

И запер. Я полдня провела в камере, в чистой, пахнущей хлоркой камере, думая, что теперь-то меня точно не выпустят. А за мной пришли. Старик Дерри, мистер Эшби и мисс Уильямс.

Я закрыла глаза.

Точно, лезет. Вспомнился вдруг не только берег, но и школа, под которую отдали старый дом. Его починили и покрасили в яркий розовый цвет, который был каким-то слишком уж ярким и слишком уж розовым. У стены высадили кусты, само собой, роз, потому что иные цветы сажать было как-то... неподобающе, мать его. А розы... розы плохо у нас приживались.

Они требовали подкормки. Обрезки.

И хрен знает, чего еще. Главное, что мисс Уильямс приходилось следить за ними, и клянусь, счастлива она не была.

– ...Ну что, детка, теперь тебя никто не спасет?

Том и Джерри.

Всегда вдвоем. Не братья, нет, но их отцы живут по соседству и даже приятельствуют. Они ходят в кабак, где периодически надираются до поросычьего визга, а порой и силой меряются на потеху другим. Их мамы обмениваются тыквенными пирогами и обсуждают прочих соседей.

А эти двое...

Они будут охотниками. Как их папаша. И они уже умеют стрелять. У них и ножи есть, только ножи запрещено брать в школу. Мисс Уильямс не готова проявить понимание в данном вопросе.

Но ведь нож можно оставить возле школы.

Том хватается за косу. К лицу прижимается клинок, и мой крик застревает в плотке.

Тогда я и вправду попала. Расслабилась. Решила, что день хороший, что... накануне мне удалось пробраться в пещеры и встретить дракона. И ощущение свершившегося чуда, первого в моей жизни волшебства, стало ловушкой.

Буря плачет.

Она говорит дюжиной голосов. Кто-то упрекает, кто-то выговаривает. Кто-то холодно объясняет шерифу, что девчонка сама виновата. Держалась бы попроще, как подобает, и не было бы проблем.

Я не знаю, как тогда сумела вывернуться.

От обиды.

От понимания, что если не смогу, то больше не будет ни пещер, ни драконов. Что просто так меня не отпустят. Они давно рассказывали, что сделают, если поймают. И ведь сделают. У Тома после смерти его ненаглядного братца вообще крыша поехала.

У него и прежде мозгов не особо много было, а тут...

Том тянул меня к сараю, в котором хранились мешки с землей, дрова и брикеты жирного угля. А Джерри хлопал себя по штанам. У сарая меня толкнули, решив, что я в достаточной мере напугана.

Баба должна бояться. Я и боялась.

Я упала. И вцепилась в камень, который швырнула в лицо Джерри.

Или Тома. А перекатившись, схватилась за другой... Кто-то заорал матом и пнул по ребрам. Я вывернулась, чтобы вцепиться в лицо, понимая, что только так и могу выжить. А потом... потом мне сказали, что я выбила зубы.

Обоим.

И шериф, тогда еще не седой, хмурился. Он тоже думал, что от меня одни проблемы. И отец тоже хмурился. Он, как и шериф, проблем не любил. Только мисс Уильямс, которая появилась в больнице, сказала:

– Тронете девочку, я вам тут такую жизнь устрою...

Ей поверили.

У нашей мисс Уильямс был характер. И его хватило, чтобы двое матерых охотников, оравших о суде и тюрьме для одной мелкой твари, заткнулись.

А потом и сгорбились.

Не знаю, что она им сказала, но уходили они на полусогнутых ногах, а Том с Джерри исчезли из школы. Джерри потом вернулся, но тихим, а Тома в Тампеску отправили.

И хрен с ним.

Меня выписали на третий день. Сломанная ключица срасталась еще долго, но мать отчего-то решила, что это не повод бездельничать.

Ненавижу.

Нож ложится в ладонь, успокаивая.

...В больнице меня навещал только Ник. Отец уже был болен и почти не выходил из дому, матушку больше волновал Вихо, который совершенно не желал думать о своем блестящем будущем. А Ник приходил.

Он приносил яблоки и, что куда важнее – кормили в больнице неплохо, книги.

Я провела пальцем по тонкому шраму, уходившему под рубашку. О гвоздь располосовала, когда меня все же швырнули на старую дверь.

Шить пришлось. И швы снимать.

И шрам этот окончательно убедил матушку в моей никчемности. Кто захочет купить себе уродливую женщину? Даже потом, когда Дерри отдал за меня три сотни, она не упустила случая сказать, что без шрама я бы стоила больше.

Старые обиды оживали тенями, отсветами керосиновой лампы, тусклого света которой не хватало и для крохотной кухни.

Я дотянулась до стола.

Кусок колбасы. Лепешка, которая начала черстветь, но еще была неплоха. Что еще для счастья надо? Огненный камень. Старый чайник и заварка в плотно закрытой банке, куда не добрался песок.

Если встать...

В гостиной осталась пара книг, которые давно было бы пора отнести в библиотеку, но как-то руки не доходили. И мисс Уильямс огорчится.

Я принесу ей драконьей чешуи.

У Яхонта линька скоро, а у него чешуя красивая, алая, темная, с золотистой полосой по краю, и без институтской карты понять можно, кто отец. Но чешую Золотого я уже относил. А Яхонт впервые взрослую шкуру меняет.

Надо будет собрать кошачьей травы, она их успокаивает не хуже, чем кошек. И сырых яиц десяток прихватить.

Точно.

Мисс Уильямс понравится. Она и сливовые пироги любила, но с пирогами у меня не очень получалось, драконы – другое дело.

Драконы меня слышали. И это даже Вихо признал.

– ...Мелкая, что тебе стоит? – Вихо обнимает незнакомую девуцу.

Пьяную девуцу.

– Покажи зверюшку...

– Обойдетесь.

Девушка кривит губы. Вихо тоже нетрезв, иначе не стал бы просить.

– Мелкая, мы только одним глазком. Энди видишь? Энди всю жизнь мечтала...

Мне не жаль показать, вот только драконы не любят чужаков, а уж пьяных и вовсе на дух не переносят. Отвечать же за смерть гражданского, даже если этот гражданский в дупель пьяная дура, я не хочу. И Вихо обижается.

Он легко обижается на отказы. И долго дуется.

Но приходит мириться. Он всегда приходит мириться первым.

Крыша заскрипела. А ветер взвыл. Сам дом содрогнулся, и, сунув кусок колбасы за щеку, я поднялась. Буря, похоже, затянется на пару дней. И ладно бы только это, так ведь злая, куда злее прочих. Крыша может и не выдержать.

Я встала.

Подвал при доме имелся.

Правда, я туда пару лет как не заглядывала. Но строил его старик Дерри, а он точно знал, как сделать хороший подвал.

Крышка отошла не сразу, приросла к проему. А когда поднялась, в лицо пахнуло... пахнуло. Такой запах случается в старых домах, где слишком мало влаги, чтобы дома эти начали гнить, и не хватает воздуха.

На стенах сероватый налет – то ли пыль, то ли пустынный лишайник, способный расти и на камнях. Впрочем, камнем стены и были выложены. Пористым светлым песчаником, который привозили издалека, потому что местный гранит был к добыче запрещен.

Лестница скрипнула, ступенька прогнулась, намекая, что еще пару лет – и не выдержит, хрустнет под ногой. Вторая заскрипела. Да и сама лестница слегка покачивалась. На нее у Дерри уже не хватило то ли сил, то ли терпения, но в отличие от подвала, обустроенного едва ли не лучше, чем сам дом, лестница была сколочена из того, что под руку подвернулось. А для надежности укреплена обрывками рыбацкой сети.

Но держала – и ладно.

Запах стал... резче? Неприятней? Пожалуй что.

Я поморщилась. Все же стоило проветривать, а не надеяться на воздухопроводы. И вентиляцию чистить надо, хотя бы изредка.

Дерри отвесил бы мне затрещину. Я даже почувствовала, как заныл затылок, а в ушах раздался сиплый голос:

– От того, насколько надежен твой дом, зависит жизнь. А если ты такая дура, что не способна понять очевидного, то и связываться с тобой не стоит. Возвращайся к мамочке, и пусть в следующий раз найдет другого дурня...

Я мысленно попросила у Дерри прощения.

Когда все закончится, я займусь домом. И подвалом. И... и вообще давно пора разобраться со всем хламом, который как-то скапливался здесь, хотя новые вещи я покупала редко.

Но поди ж ты.

Я поставила лампу. И вернулась наверх. Первой спустила флягу с водой. И вторую, в которой оставалось едва ли больше половины, следом.

Теперь консервы. Одежда. Аптечка.

И тяжелый дубовый стол, сдвинуть который получилось не с первого раза. Его я установила над входом в подвал. Если дом рухнет, то... Меня найдут.

Надо верить, что найдут, что вообще искать будут.

Бутылка виски, заросшая пылью. Она простояла в шкафу со смерти Дерри, а я так и не выпила на его могиле, потому как могилы не было, пить же просто так показалось кощунством.

Зачем я прихватила и ее? Привычка, не иначе.

Крышка подвала легла ровно, а мне подумалось, что поднять ее будет не так и просто, что сил у меня куда меньше, чем у Дерри, и что, может статься, я сама себя заперла. Вот будет смеху-то...

Обхохочешься.

Глава 5

В базе пропавших без вести полукровок было шестеро.

Три женщины. Старик. И пара мальчишек, явно ушедших из дома в поисках лучшей жизни.

Мальчишки не подходили по возрасту и росту, старик тем паче. Женщины... Лука отложил снимки. Ему почему-то было крайне неловко смотреть в лица тех, кто так и не был найден.

И скорее всего, не будет.

– Ты же понимаешь, что база далека от совершенства. – Майкл Хорддор был невысок, профессионально-сутуловат и видом своим походил на мелкого клерка, которым по сути своей и являлся. Впрочем, в архивном царстве своем он был полноправным властителем. – База только-только создается. Да и регионы не спешат делиться. В регионах, чтоб ты знал, живут на редкость упрямые люди, которые полагают, что сами разберутся, когда и о чем нас информировать.

Он ловко выдвигал ящики картотеки, вытягивая то одну, то другую картонку. Поднимал ее к лампе. Хмурился. Качал головой и возвращал назад.

– Я бы на твоём месте глянул и по привлекавшимся... Так... погоди... возраст?

– От двадцати до тридцати, – Лука слегка расширил рамки.

– Рост?

– Шесть футов четыре дюйма.

– Цвет волос?

– Черные. Судя по остаткам. Он ведь полукровка.

Майкл только хмыкнул.

– Ты не поверишь, но... ага... смотри... трое... возраст похож, но один из них из Вашингтона... да, адрес имеется, проверьте... второй... да, в описании указано, что на руке не хватает пальцев.

Пальцы у покойника имелись.

– Взгляни.

На стол легли два снимка.

– Этот из Вашингтона? – Лука указал на хмурого толстяка.

– Он. Сутенер. Поставлял девочек людям, готовым платить за экзотику. К слову, в настоящее время отбывает наказание... ага, да, тюрьма Негирро. Частное заведение, но с неплохой репутацией. Раньше положенного точно не выйдет, а дали ему семь лет.

– За сутенерство?

– И за нанесение тяжких телесных. Погоди. – Он ушел куда-то вглубь комнаты, заставленной одинаковыми с виду шкафами, чтобы вернуться с папкой. – Копия дела.

Парень был пьян. И решил, что ему море по колено. Айоха в принципе плохо ладят с алкоголем, а этот вспомнил о том, что он потомок гордого свободного народа, и схватился за стул, который и запустил в полицейского.

Попал – на свою беду.

Череп проломил... в общем, отсидеть ему еще оставалось пару лет. Нет, запрос Лука отправит, но в ответе он почти не сомневался.

– А этот? – он взял последний снимок.

Парень казался молодым и веселым, пусть и снимали его у полицейской стены. Но он смотрел прямо, улыбаясь широко, будто всю жизнь мечтал об этом.

А ведь кровь айоха почти незаметна.

Кожа смугловата. Скулы широковаты. Нос с горбинкой, но и только. Темные волосы он обрезал коротко, и на снимке те торчали, придавая облику какую-то совершенно ненужную лихость.

– А... погоди... – Майкл вновь исчез, чтобы появиться с очередной папкой, предыдущую он отметил в журнале посещений, который вел с той же почти маниакальной аккуратностью, проставляя не только дату и часы, но и минуты, проведенные агентами в архиве. – Вот... Вихо Саммерс, полукровка... выпускник... так... имел юридическое образование, но вот адвокатом так и не стал. Коллегия дважды отказывала в ходатайстве... ага, без права представления клиента в суде... служил в конторе... контора так себе, средней руки, а должность... не понять. Дело мелкое. Задержан за превышение скорости, был пьян, а в машине нашли почти полфунта дури.

Лука присвистнул.

Не повезло парню. И кажется, это тоже не их клиент. А хотелось верить, что опознать чужака выйдет легко.

– Так... машина принадлежала клиенту, была взята без спроса, но дело прекращено... сделка. Парень согласился на месяц исправительных работ, полагаю, коллеги заступились.

И отнюдь не из любви к пареньку, но из опасения, что подобная история дурно отразится на репутации фирмы. Кому нужен законник, не способный прикрыть собственный зад?

– Само собой, парню указали на дверь... Так... наказание он отбывал исправно, потом... потом ничего. Ага... вот...

Майкл развернул дело и подвинул его Луке, ткнув пальцем в строчку, которую Лука и сам бы вряд ли пропустил. Но Майклу нравилось чувствовать себя нужным.

Пускай. Сейчас он и вправду здорово помог.

– На твоём месте я бы запрос отправил. Пусть кто из Тампески подъедет, побеседует, авось и родственники сыщутся. Возьмете кровь, сличите...

Так все и будет.

Лука повертел папку в руках:

– Копию снимешь?

Майкл кивнул.

А кровь действительно скажет правду. И желание отправиться самому в эту клятую дыру становится почти непреодолимым, но рано. Рано, мать его.

Есть остальные тела. А парень... парень мог просто оказаться не в то время и не в том месте. Лука почесал кончик носа и покинул архив. Запах бумаг преследовал его еще долго.

Внизу было душновато. Я открыла вентиляционные заслонки и прижалась лицом к одной, вдыхая кисловатый воздух.

Надо потерпеть.

И чем-нибудь занять себя. Скука убивает. Или... я давно искала повод выпасться, так почему бы и нет? Кровать, поставленная Дерри, никуда не делась. Металлический панцирь ее заскрипел, растягиваясь. А я закрыла глаза. Спать.

– ...Мелкая, хватит нудеть. Выпил? Да, выпил. Все пьют. И вообще, не твое дело. Ты становишься похожа на мамашу. Точно-точно, я тебе говорю.

Смех. И щипок за задницу.

Ненавижу, когда Вихо пьет, а в последнее время я чаще вижу его пьяным, чем трезвым. Нет, он не надирается настолько, чтобы вовсе не стоять на ногах. Человек посторонний вовсе не поймет, что не так. А я вот вижу и этот лихорадочный блеск в глазах, и подрагивающие пальцы.

– Проигрался? Успокойся, мы просто на интерес, я ведь не дурак, чтобы играть на деньги... Кто? Клара? И ты этой дуре поверила? Мелкая, от тебя такого не ожидал. Двадцатки

не найдется? Да у меня просто мелочи нет. На счету пока пусто, а заправиться надо... в Йельбридже клиент ждет. Пьяным за руль? Кто, я?! Ты что, мелкая, я не пьян, это так... туалетная вода. Давай свою двадцатку, потом верну. И не вздумай Нику жаловаться. Господи, как ты с таким занудой вообще уживаешься...

На интерес. На пару центов. Ведь что за игра, когда пара центов не стоит на кону, будоража азарт. На желание. И Вихо, раздевшись до подштанников, выплясывает на столе, а после целует Толстую Кло, которая хмурится и бежит за ним, пытаясь согреть полотенцем. Она честная вдова.

А потом он к ней ходит, ибо все-таки вдова, и давно.

– Что такого? Тоже женщина. И чтоб ты знала, весьма состоятельная. – Вихо оглаживает новый ремень из буйволиной кожи. Пряжка его блестит, и этот блеск неприятен.

На нем белая шляпа. И высокие ботинки.

Костюм с люрексовой блестящей нитью и массивные часы под золото. Или все-таки золото? Я так и не спросила.

– Каждый устраивается, как умеет. – Он треплет меня за щеку и, наклонившись к самому уху, шепчет: – Я же не ставлю тебе в вину, что ты старичка окрутила. Окрутила – и молодчинка.

Я бы могла возразить, но слова застряли в горле.

С людьми сложно разговаривать, и я ухожу к драконам.

Сон не идет.

В голову лезет всякое... Ничего. Пройдет. Это потому, что я на кладбище была. Не стоит туда возвращаться. Не стоит вообще... переехать бы, но Ник прав. Драконов я не оставляю.

Я перевернулась на бок. Жестко.

И на второй. Неудобно. Ноги не вытянешь, кровать для меня тесновата, но я слишком ленива, чтобы что-то менять. Или боюсь? Мисс Уильямс уверена, что дело именно в страхе. А я... я не знаю.

...Вихо уехал, когда мне исполнилось двенадцать. Отец уже тогда был болен и глушил боль виски. Правда, напиваясь, в отличие от многих иных мужчин он становился тих и безобиден. Он ложился в постель и часами лежал, не мешая матушке проявлять заботу.

Или вот пол полировать.

Отчего-то матушка испытывала просто-таки небывалую страсть к полированным полам. И еще к сияющим белизной унитазам. Правда, мыть их было моей обязанностью.

Горько.

И от колбасы неприятный привкус. Зубной порошок где-то был, но вкус тухлой мяты едва ли многим лучше, а тратить драгоценную воду на полоскание глупо.

...Вихо уехал. Он был старше. Умнее. И вообще наследник.

Матушка им гордилась, а он, точно понимая, чего от него ждут, давал поводы для гордости. Лучший ученик в школе. Спортсмен.

Отличные результаты. И в местной команде, и потом. Он тренировался сам, понимая, что спортивная стипендия – единственный шанс вырваться из нашей дыры. У меня была мечта, а он просто хотел уехать. И уехал.

В Тампеске имелся университет, не слишком известный, но с юридическим факультетом, что хорошо.

– Пойми, мелкая, – со мной Вихо делился планами, когда больше было не с кем. – Вариантов у меня не так чтобы много. В егеря пойти? И всю жизнь ковыряться в драконьем дерьме? Нет уж, спасибо... Или в охотники? Та еще радость. Нику хорошо, у него папочкины деньги, а я должен использовать свой шанс. Вот посмотришь, я уеду, а потом...

Вернулся. Не сразу.

Он и вправду писал письма, длинные и пространные, рассказывая об учебе и студентах, о преподавателях, которых описывал порой зло и едко, но, как мне казалось, довольно точно. О городе, людях, о другой, неизвестной мне жизни, в которую ушел с головой.

И получалось.

Матушка гордилась им все сильнее. Ее уже приняли не только в церкви, но и в приходском комитете, сочувствуя тяжелой судьбе – отец почти не вставал, а я не желала становиться идеальной дочерью, – и потому ей было перед кем похвастать.

Пускай.

Помню то время. И запах кукурузного хлеба. Матушкину Библию, читать которую приходилось стоя на коленях, ибо Господь видит. Гнев его того и гляди падет на грешную мою голову.

Отец умер под Рождество. По матушкиному представлению, сделал он это нарочно, исключительно затем, чтобы испортить праздник, готовиться к которому она начинала едва ли не с сентября месяца.

А он взял и умер. Будто не мог погодить две недели.

По радио давали спектакль.

Соседние дома сверкали огнями, и в кои-то веки выпал снег. Нормальный такой, пушистый мягкий снег, а не колючее нечто.

В церкви пахло имбирем.

И пастор раздавал пряники, испеченные женским комитетом, а еще призывал любить друг друга. Похороны как-то... не соответствовали обстановке, что ли.

Вихо не приехал.

– У него много дел, – сказала матушка, смахивая слезы кружевным платком. – Вы же знаете, как нелегко в наше время молодым, если нет поддержки семьи. Вихо талантлив, но этого мало.

Она вздыхала.

И дамы из комитета соглашались с ней. Они приносили нам кукурузный хлеб и творожную запеканку, выражая сочувствие. А еще оставили ветки падуба, потому что все-таки Рождество.

Наверху что-то грохнуло, никак, все-таки крыша. Подняться? Глупость несусветная. А я в своей жизни и без того совершила их изрядно.

Вихо вернулся незадолго до того, как Дерри ушел. Он оставил мне дом, не поленившись съездить в Тампеску – местным нотариусам он категорически не доверял, – работу и триста баксов.

Матушка потребовала их себе.

Я скрутила фигу.

Она сказала, что дом нужно продать, хотя вряд ли за эту хижину получится выручить больше тысячи, но это тоже деньги.

Я скрутила две фиги.

Она попыталась замахнуться, но за прошедшие годы я выросла и вытянулась, а горы и сил прибавили. И я с легкостью ушла от удара, отвесив наконец ответную оплеуху. И совесть меня не мучила.

Матушка залилась слезами.

И полетела к шерифу, требуя немедленно вернуть блудную дочь домой. Но Маккорнак лишь руками развел. Мне исполнилось восемнадцать, а потому с точки зрения закона я являлась вполне себе самостоятельной особой.

Тогда матушка отправилась к Доннеру, требуя немедленно исключить меня из егерей. Тот, может, и исключил бы, но год получился неподходящий. Егерей и без того вечно не хва-

тало, Дерри ушел, а троица молодых драконов только-только на крыло становилась, и характером они пошли в Лютого, который не признавал чужаков.

У меня же получалось говорить с ними.

И матушке пришлось смириться. Не скажу, что данное обстоятельство улучшило наши отношения.

Я уставилась на потолок. Потрескавшийся, грязный, затянутый паутиной. Ключья ее свисали серыми сталактитами, добавляя обстановке мрачности.

Не усну. И лежать надоело.

Я встала. Прошлась. Подвал хоть и приличных размеров, а все равно не разгуляешься. Три шага вдоль, четыре поперек. Стены. Плесень.

Стол.

Пара железных мисок на нем. Вилки. Ложки. Кружка с мятым боком. Ее Дерри любил. В последние месяцы он только и пил, что крепкий до вяжущей горечи чай. Сыпал полпачки в эту вот кружку и заливал кипятком. А после усаживался на пороге и, шурясь, любовался закатом. Он походил на старого дракона. Нет, не внешне, просто... просто походил. И я старалась не мешать его тишине. Я была в ней лишней.

Я тронула шкаф. Его тоже Дерри сделал.

Почему он не женился? Раньше? До того, как его стали считать старым извращенцем, правда, не без толики одобрения. Люди лицемерны по сути своей.

Я взяла в руки томик. «Моби Дик».

Дерри читал его. Только его и читал. Дочитывал, хмыкал и начинал сначала. Книга старая. Страницы разбухли и раздалились, обложка покрылась слоем липковатой пыли. Да и читать в подвале – не лучшая затея.

Я вернула книгу на полку, к другим, принесенным уже мной.

– ...Много будешь читать, голова распухнет. – Вихо взъерошил мои волосы. – И вообще, мелкая, нормальные девчонки в кукол играют.

Я бы тоже поиграла, если бы у меня были куклы. Нормальные, а не сделанные из веток и ниток. Но матушка не считала нужным тратить деньги отца на всякую ерунду, а я рано обнаружила, что с книгами тоже интересно. Жаль, что в нашем доме книг было куда меньше, чем фарфора.

Фарфор ерундой не считался.

Обиды.

Мисс Уильямс полагает, что они портят мне жизнь. Быть может, она права. Я вытащила тряпку, бывшую некогда рубашкой. Кажется, моей. Точно моей. Тогда Снежная неудачно дышнула. Или, точнее, я неудачно встала. Пришлось тушить, и шкура потом чесалась здорово. А Снежная чувствовала себя виноватой и топталась, пыхала паром, тыкалась мордой.

А на третий день принесла марлина. Мне его на месяц хватило, да...

Я протерла стол.

И полки. И кровать треклятую, включая ненавидимые некогда шишечки в изголовье. Они были витыми, и в дырки забивалась грязь. Зато теперь вот нашла занятие.

Я открыла шкаф и вовремя отступила: гора старой рухляди осела на пол. Сверху приземлилась шляпа. Дерри ее купил незадолго до смерти. Широкополая, сделанная из мягкой кожи, украшенная серебряным шнуром, шляпа была хороша.

Почему он не взял ее с собой?

Я подняла шляпу.

Пахло от нее драконами, как и должно. Примерила. Отступила. В полутемном осколке стекла ничего не видно, но почему-то мне подумалось, что шляпа очень даже ничего. А вот куртку давно пора было выкинуть. Подкладка расплзлась по швам, рукав почти оторвался. Кожа продрана, а то и прожжена.

И рубашки в ту же кучу.

Платье.

Откуда здесь платье? Из темного шелка, который скользит меж пальцами. Надо же... правда, испорчено, подол разодран в клочья. Стало быть, в мусор. Да и не ношу я платьев как-то.

Подштанники. Ком слипшихся носков.

Груда мусора росла, а вещей не становилось меньше. Разорванная уздечка. Старый кошелек. Пара ботинок, причем от разных пар. И снова платье, на сей раз легонькое, но тоже грязное. Попадались и комки мышинного помета, но иссохшие, старые. Мыши давно уже поняли, что в доме моем пожить нечем.

Сапог. Кожаная сумка. Тяжелая кожаная сумка. Светлая. И до боли знакомая.

Почти белая кожа расшита бисером и серебряной нитью столь густо, что даже матушка морщится. Иногда мне кажется, что в Вихо та, другая кровь, о которой в доме говорить не принято, проявляется по-особому.

Он счастлив.

Он гладит кожу, он вертит сумку, и бисер переливается всеми оттенками синего. Узор строгий, стильный, но сумка все равно не смотрится с костюмом.

Или нет?

Я ведь и вправду ничего не смыслю в моде.

– Откуда? – я стараюсь говорить спокойно.

Я не хочу портить воскресный обед. Все-таки праздник, пусть и кажущийся мне чужим, но для матушки День благодарения что-то да значит, если она соизволила прислать приглашение. А мне как раз стало в достаточной мере тоскливо, чтобы это приглашение принять.

На мне платье. Клетчатое.

И передник, тоже клетчатый. Я даже сняла украшения с косы, чтобы не раздражать, но матушка, стоит ее взгляду задержаться на мне, все равно хмурится. И поэтому лучше заниматься столом.

Я расставляю тарелки. И салфетки поправляю.

Я приношу корзинку со свежим хлебом. Картофельный салат. И тыквенные булочки, щедро посыпанные кунжутом. Индейка доходит в духовке, соус уже готов.

– Подарок поклонницы. А ты не ревнуй, я и тебе кое-что принес.

Набор гребней. Красивый.

Я вертела сумку в руках. А ведь... он ее долго носил. И в поездки брал. Чистить доверял матушке, и то...

Как она здесь оказалась?

Я хмрюсь, но память, еще недавно такая издевательски податливая, вдруг капризничает. Память не хочет помогать. Если бы Вихо попросил, я бы... да, я бы, пожалуй, запомнила. С просьбами, во всяком случае трезвыми, он ко мне обращался крайне редко.

Или... забыл? Незадолго до...

Нет, забыть он бы мог наверху, да и то, обнаружив пропажу, вернулся бы. Но в подвал... я вспомнила тугую крышку. И лестницу, которая ходит ходуном.

Что Вихо понадобилось в моем подвале?

Я вернулась к столу.

В моем тихом спокойном подвале, в котором не один год стоит шкаф со всяким старьем... я его... да со смерти Дерри и не открывала. И шкаф, и подвал. В первый год я вообще стеснялась пользоваться его вещами. А уж чтобы перебирать...

И Вихо знал.

Он сам уговаривал меня навести порядок. И даже – о чудо – предлагал собственную помощь. Впрочем, после того, как исчезла пара драконьих зубов, от помощи я отказалась.

И поругались опять.

Зубы мне дороже родича, да...

Я провела пальцем по коже. Все еще мягкая. И выделки отменной. Телячья? Я не настолько хорошо разбираюсь, но Вихо говорил, что телячья. Вот серебро потускнело, но если начистить, сумка будет как новая.

Как она оказалась внизу?

Я пыталась придумать правдоподобное объяснение, но... Вихо ее спрятал. Это единственная более-менее правдоподобная версия. Только от кого он ее прятал?

И почему в моем доме?

От матушки? Нет... она скорее пальцы себе откусит, чем тронет его вещи. Тогда в чем дело? Не в том ли, что все еще лежит в этой сумке? И не потому ли я тяну, не спеша ее открыть, что не желаю знать?

Не желаю. Но должна.

Я сделала вдох и потянула за ремень. Приподняла сумку. Перевернула. Вытряхнула. И выругалась: на стол выпали с полдюжины аккуратных бумажных свертков, перетянутых тонкой бечевкой. И на каждом имелась пометка.

Рукой Вихо.

Наверное, мне стоило бы убрать свертки в сумку, а сумку в шкаф. И потом, когда буря утихнет, вывезти ее вместе с другим хламом подальше в пустыню. Или в горы. Горам я верила больше. Ущелье поглубже... На худой конец можно и Маккорнаку сдать.

Только...

Клинок легко пробил бумагу и вышел, оставив на столешнице след белых крупинок. Я поднесла нож к носу и сделала вдох. А потом выдохнула.

Мать его... Они не поверят. Никто не поверит.

Я аккуратно сложила пакеты в сумку.

А сумку убрала в шкаф. Поспешно затолкала барахло, только шляпу оставила. Села на пол, прижала ее к груди.

Если это не Вихо?

Допустим... допустим, он и вправду сумку забыл. Когда? Да хотя бы в тот самый проклятый день... забыл и... решил вернуться. Это ведь логично? Еще как... бурю не услышал, а дальше... дальше все и случилось.

Я всхлипнула и погладила шляпу.

Я никогда не говорила Дерри, что люблю его. Он бы и не понял. Обозвал бы дурой пусто-головой, какой я и была. Но... если бы он знал, насколько мне не хватает его.

А сумку нашел Билли.

С Билли стало бы присвоить себе чужую вещь. И дурью он не брезговал. И... и убрался? Нет, не сходится. Если бы убрался сам, он бы и сумку свою прихватил. Сколько в ней? Пара фунтов точно, а пара фунтов чистой дури стоит куда больше, чем мой дом и шкура.

Значит...

Ничего не значит, кроме, пожалуй, того, что от находки следует избавиться, пока за ней не пришли. Или... Вихо не стало пару лет назад, а о Билли я уже полгода ничего не слышала. И не значит ли это...

Ничего не значит.

Буря наверху плакала. А я понятия не имела, что мне делать. И потому просто сидела, гладила старую шляпу, уговаривая себя забыть.

Но правда была в том, что не забуду.

Билли не знал про подвал. Нет, он мог бы и обнаружить, но отчего мне в это не верится?

Билли...

Ушел. А сумка осталась. И... только ли она? Я бросилась к шкафу и, распахнув дверцы, вывалила кучу вещей на пол. Следом отправилось то, что лежало на полках.

И наверху.

И на других. Полок в подвале было много. Я задыхалась от страха и пыли, чихала, терла слезящиеся глаза, но все равно продолжала. Я заглянула в старую бочку, в которую Дерри когда-то ссыпал зерно. И перевернула ее. Я простучала стены.

И я нашла.

Я, мать его, нашла тайник. Даже не тайник, но древний чемодан с потрескавшейся кожей, сквозь которую проглядывал деревянный осто. Истершиеся ремни. Сломанные защелки. Желтые газеты с выцветшими буквами, под которыми лежали ровные, аккуратные даже пачки банкнот.

Двести пятьдесят тысяч долларов.

Мать его.

Двести... мать его, пятьдесят. Тысяч. Долларов.

Глава 6

Томас вынырнул из сна, хватая воздух ртом.

Снова.

Сколько лет... а казалось, что все уже. Он сел в кровати, вцепился в волосы, пытаясь справиться с мелкой дрожью, что сотрясала все тело. Получалось плохо.

Томас заставил себя сделать глубокий вдох. И выдох.

Снова вдох. И снова выдох. Стиснул кулаки и разжал, полюбовался трясущимися пальцами. Сунул их под мышки.

Выпить бы...

От одной мысли замутило. Значит, на этот раз вода снилась. Темная, что деготь, что черный кофе в белой каменной чаше. Горькая. Говорят, во снах вкус не ощущается, но Томас точно знал, та вода была горькой. И в желудке оседала камнем. Значит, полдня будет мутить.

Чудесно.

Он сполз с постели. Поморщился. Спина противно ныла, будто он, Томас, древний старик. Это все из-за кровати. На помойке ей самое место, но разве хозяйке докажешь? Она, хозяйка, душой привязалась и к древним кроватям, и к дрянным матрацам, заменять которые запрещалось под страхом выселения, и к пуховым подушкам. Подушки следовало взбивать и укладывать горой.

Томас выругался.

Он ненавидел горы, правда, чуть меньше, чем море.

А в море вода соленая. И серая. Или сизая. Или еще синяя, когда день погожий. И тогда море спокойно, что стекло. Сквозь него можно разглядеть дно и скалы. Рыбью мелочь. Водоросли, что опутывали всякий мусор. И мусор тоже.

А за дальней грядой скрывались затонувшие корабли.

Берт так говорил.

Томас потряс головой. Вот же... некстати. Это из-за сна, если он тонул, то и Берт вспомнится. А до годовщины далеко. Годовщина, если подумать, пару месяцев как минула. И Томас ее вновь пропустил, зная, что рады ему не будут.

Но и отсутствия не простят.

Так оно и получилось. Даг пьяно орал в трубку, что Томас скотина, что всех позабыл и решил, будто он лучше, а на самом деле все знают, все до единого, что Томас – скотина.

Наверное, он прав.

Мутное зеркало отразило мятую физию. Побриться не помешало бы. И в парикмахерскую наведаться. Потом. Когда-нибудь.

Он сунул голову под кран. Вода текла едва теплая. И на вкус была кислой.

А та, из сна, горькая, как... как полынь? Или еще хуже.

Томас пригладил мокрые волосы ладонями. Вот так лучше. Теперь кофе и опять в постель, раз уж выходной выдался.

Кофе выпить еще получилось. Правда, вкус его был привычно мерзким – после сна полынная горечь ощущалась буквально во всем, но Томас уже привык и даже научился получать своеобразное удовольствие.

А потом его вызвали.

– Ты ведь родом из Долькрика? – Мистер Аштон любил охоту, ружья и собственные усы, которые он тщательно расчесывал и смазывал особым воском.

Он носил белые рубашки. И галстук выбирал тонкий, веревочкой.

Он обладал немалой силой, которую не стеснялся выказывать при рукопожатиях, сдвигая ладонь так, что редко у кого получалось не морщиться. Впрочем, чужая слабость приводила мистера Аштона в пречуднейшее расположение духа.

А вот Томаса он не любил.

И не то чтобы для этой нелюбви имелись реальные причины. Скорее уж... просто неприязнь. Такая возникает с первого взгляда, а со второго крепнет, чтобы на третьем сделаться устойчивой. Нет, мистер Аштон был выше того, чтобы позволить этой неприязни сказаться на работе.

Просто... Она была, и все тут.

И сейчас в покрасневших глазах начальства Томасу виделось сомнение.

– Так точно.

А еще раздражение.

– Отлично... и давно дома не был?

– Давно.

С тех самых пор, как его из этого дома выдворили. За дело, конечно, это Томас теперь понимает, но понимание пониманием, а обида осталась.

И сны.

Сны его тоже родом оттуда, с Драконьего берега, где весной море дразнит близостью и сказочными сокровищами, которые рядом, надо только поискать.

– Плохо, – мистер Аштон крутанул кончик уса и головой покачал. – Нехорошо, когда человек свои корни забывает.

Он держал на столе снимок миссис Аштон и семерых детей, о которых было известно лишь, что они существуют. И тоже любят охоту.

– Я помню.

– И замечательно... да, просто замечательно... слышал, неподалеку кладбище нашли?

– Нет.

– И правильно, тебе не положено... дело такое, помалкивать просили. А когда там просят, – мистер Аштон ткнул пальцем в потолок, – нам остается слушать. Похоже, что Чучельник вернулся.

Томас не сразу сообразил, о ком речь, и заминка его не осталась незамеченной.

– Ага, не помнишь... молод еще... где ты тогда был? В патрульных? А я вот... поставили... тоже понаехало... лучшие из лучших. И что в итоге? А ничего... как был, так и сгинул. Оказывается, что не вполне и сгинул. И значит, тоже понаедут, будто у нас своих людей мало.

Это было произнесено с обидой.

– Но наше дело маленькое, сказано отправить кого в Долькрик, вот и отправим, раз уж ты местный.

Зубы заныли. И спина.

И во рту появился горький-горький вкус воды, от которой все тело становилось тяжелым, будто чужим. И по нервам ударил страх.

Нельзя возвращаться!

Никогда и ни за что... нельзя, иначе будет плохо... Кому? Томасу. Или другим? Других не осталось. Отец умер пять лет назад, и на похороны Томас вновь не явился, хотя и отправил сотню баксов. Но с точки зрения Дага, сотня баксов – это мелочь, а Томас – неблагодарная скотина.

Да. Так и есть. На редкость неблагодарная. Но, верно, где-то он крепко согрешил.

– Побеседуешь с местными. Поглядишь, что к чему... заодно и проверишь одного типа. Вернее, его родственничков. Нужно будет получить согласие на...

Голос мистера Аштона гремел, как волны в преддверии бури. И сквозь него доносился хохот Берга: «Что, Томми, опять трусишь? Сцыкло ты, Томми. Надо же, столько лет прошло,

я давно умер, а ты все еще сцукло. Только и способен, что мамочке жаловаться... или нет? Решай. И поскорее».

- Вы меня слушаете? – мистер Аштон сдвинул седоватые брови и дернул себя за ус.
- Да, конечно, – солгал Томас. – Когда выезжать?
- Вчера. Еще вчера...

Изумруда вынесло к побережью на третий день после бури. Им повезло, что та пришла с севера. Похолодало резко. И холод этот инеем лег на камни, прихватил робким ледком побережье, отчасти отпугнув хищников. Тех, которые обыкновенные. Людям холод не помеха.

Забравшись на скалу, я смотрела, как суетятся внизу сборщики. Вон синий фургон института, ко всеобщему негодованию, перекрыл единственный подъезд. Старик Молчинский размахивает руками, и ветер доносит обрывки слов, большей частью матерных. Он рассчитывал на хорошую добычу, но институтские, поправ все неписанные правила, делиться не собирались. Они уже заарканили драконью тушу, вбив пару якорей в окрестные скалы, и теперь разделяли ее. Следовало признать, что работали они слаженно.

Уже к вечеру шкуру снимут.

Мясо отправится в море, за исключением пары образцов, которые пополнят институтскую коллекцию. Когти пойдут туда же. А вот с костяком будут возиться долго – пару дней точно займет. И быть может, старику удастся урвать хоть что-то.

Он согласится и на мясо.

И кости достанет, если пройдет ночью тропами. А не пройдет, так и без него шакаля достаточно. Небось весь городок уже знает, что появилась добыча...

Я коснулась пальцами лба и губ, прощаясь.

Завизжала пила, но звук тут же сменился, сделавшись глубже. Шкура у Изумруда толстая, даже если под крылом начинать, а институтские под крыло не полезут, опасаясь попортить. Я сползла с нагретого камня. Смотреть на то, что будет дальше, желания не было.

Я потрогала темный зуб, спрятанный под курткой. Наверное, можно было бы взять и больше, но... это не на продажу, это на память.

Спускалась я долго. Тропа была узкой и вихляла, что старый алкаш на выходе из бара. Последние ярды я вообще съезжала на заднице – буря слизала часть склона, выставив бурое глинистое нутро его. Надо сказать, весьма скользкое нутро.

В общем, вымазалась я в этой глине изрядно. А еще ничуть не удивилась, увидев рядом с машиной Маккорнака. Рыжую шевелюру его шевелил ветер. Он пробирался под полы форменной куртки, трогал рукояти револьверов.

Кольнуло в груди: знает?!

Точно знает и пришел... за деньгами? Или за сумкой? За всем сразу?!

Я заставила себя улыбнуться.

Если бы знал, пришел бы раньше. И не обязательно снизошел бы до беседы. Нет. Это просто... совпадение. И мои собственные страхи.

– Случилось чего? – я старалась говорить спокойно и равнодушно, но голос слегка дрогнул. Правда, внимания на это не обратили. Кажется.

– Случилось, – неожиданно смущенно произнес Маккорнак, взъерошив едва тронутую сединой гриву. – А там?..

– Разбирают.

– И кто?

– Институтские заарканили. Старик злится.

Маккорнак кивнул, показывая, что понял. И присмотрит. И за институтскими, которые в своей вере в то, что лишь им позволено распоряжаться драконами, смотрели на прочих свы-

сока. И за стариком, еще помнящим старые добрые времена, когда подобные споры решались на кулаках.

Или с помощью револьверов.

Стрельбы в своем городе Маккорнак не допускал.

– Так... чего случилось? – Мне очень не нравился этот его взгляд.

Вернее, сочувствие в нем.

С чего вдруг хитрый лис проникся сочувствием?

– Тебе надо в участок.

– Зачем?

– Прости... надо...

– Билли?

– Нет, про этого поганца не слышно, но... поехали, Уна. Поверь, так надо.

Я пожалала плечами. Надо значит надо. Да и ссориться с Маккорнаком из-за пустяковой поездки себе дороже. Не стоит обманываться улыбкой, он – мстительный засранец.

Первой, кого я увидела в участке, была мать.

И эта встреча, неожиданная, неприятная, заставила сделать шаг назад, правда, я уперлась в грудь Маккорнака, а он подтолкнул меня вперед, шепнув:

– Веди себя хорошо, девочка.

Матушка была в розовом.

Аккуратный строгий костюм, подобающий леди ее возраста. Прямая юбка на две ладони ниже колена. Жакет с перламутровыми пуговицами. Кружевное жабо белоснежной блузы.

Шляпка на гладких волосах. Бледная помада. Духи.

– Добрый день, – я отвела взгляд.

– Добрый день, дорогая, – матушка изобразила улыбку. Пальчики ее лишь сильнее сжали розовую сумочку. – Я рада видеть тебя в добром здравии.

Легкий упрек.

Ее речь была идеальна. И никто не сказал бы, что английский – вовсе не родной язык дочери Бегущего Ручья.

– А уж я-то как рада. – Я плюхнулась на жесткий стул и вытянула ноги.

Ноги гудели.

Это сколько миль я отмахала по побережью? С десяток точно. Левый сапог, кажется, прохудился. А правым я влезла в дерьмо. Не драконье. Лисье, кажется. Или медвежье? Главное, что смердит. В горах оно как-то не ощущалось, а вот в помещении стало попахивать весьма выразительно.

Или это грязь?

Грязь начала подсыхать, скоро посыплется рыжими комками, обозначая мой след. А сейчас она покрывала и сапоги, и брюки. И на куртке тоже отметилась. Но это пятно я скovyрнула.

– Ты давно ко мне не заглядывала. – Матушка опустилась на край стула. Сидела она с прямой спиной. И сумочку на сведенные вместе колени пристроила.

Голову чуть наклонила.

В темных глазах ее виделся упрек.

– Времени не было. Работа.

Матушка покачала головой.

Играет.

Знает, что смотрят. Тот же Маккорнак и смотрит. Вперился взглядом, будто сличает нас... и да, похожи. Я и без него знаю, что кровь от крови, и той, другой, правильной и белой, мне почти не досталось.

Я слишком высока.

Куда выше, чем положено быть женщине.

И кожа у меня смуглая. Не от загара, но сама по себе. Конечно, загар тоже имелся. Я в отличие от матушки не прячусь под кружевными зонтиками. Какие зонтики в горах?

Волосы темные. Черные.

Толстые и густые. И коса у меня хороша. Мне за эту косу почти семьдесят баксов предлагали, но я отказалась. А когда тот урод вздумал настаивать, за косу схватив, сломала ему нос.

Матушка бы тоже... если бы никто не видел.

Но когда смотрят, она иная. Она милая. Хрупкая... и странно, как при том же росте, что и у меня, у нее получается казаться хрупкой. Она своя, пусть в ее жилах нет ни капли белой крови, а вот я везде чужая.

– Конечно, дорогая, – матушка тянется, чтобы поправить прядку волос, которая, по ее мнению, лежит неправильно. Впрочем, во мне ей все кажется неправильным. – Но я рада, что с тобой все хорошо.

Отлично просто.

Только вот Изумруда больше нет. И на душе тоска, хоть волком вой.

– Зачем мы здесь? – Я отряхнулась и отодвинулась. Прикосновения матушки, липкая душная ее забота, которая была притворством во всем, заставляли напрячься.

И нож в сапоге вовсе не казался излишеством.

Хотя... против матушки нож не поможет.

А вот теперь во взгляде Маккорнака виделось неодобрение. Маккорнак родителей уважал. И уважения же требовал от племянников, раз уж собственными отпрысками не обзавелся. Я сумела не отвести взгляда, а он качнул рыжей головой и произнес:

– Тело нашли.

Я поняла. Как-то сразу вот и поняла, чье именно тело.

И матушка тоже.

Ее рот приоткрылся, искривился, и лицо на миг стало безобразным. Показалось, что вот-вот из горла вырвется животный вой, раз и навсегда разрушив столь тщательно создаваемый образ, но нет, она справилась.

Вот она действительно была сильной женщиной.

– Приехали... из Тампески... тип один, – Маккорнак отвел взгляд, не желая быть свидетелем женской слабости. И платок из кармана вытянул, клетчатый, мятый, пахнущий табаком. Сунул неловко мне в руку, хотя я точно не собиралась плакать. Я и тогда, когда... не плакала. И на похоронах тоже. И сейчас не буду. – Утверждает, что нашли. И опознали. В общем, у него возникли вопросы.

Матушка платок отобрала. Прижала к левому глазу, подхватывая невидимую слезу, прошептала слабым голосом:

– Они уверены? Ведь... мы же... вы же... говорили...

– Кто тогда в могиле? – Смотреть на это представление стало невыносимо.

Отвернуться невозможно. Уйти? Сбежать?

Я вскочила, и в маленькой комнатухе стало тесно. Вдруг показалось, что стены заваливаются, что еще немного – и рухнут они под тяжестью вот этих местечковых снимков, на которых запечатлены несколько поколений местных шерифов.

И Маккорнак есть.

Стоит с ружьем над медвежьей тушей. Я даже помню, когда была сделана эта фотография. Пять лет назад. Суровая зима. Гризли, проснувшийся до срока. Голодный и злой. Не боящийся ни людей, ни драконов. Тогда собрали всех мужчин, кто хоть как-то умел держать ружье.

И не только мужчин.

Нашлись и женщины. Та же мисс Уильямс, хотя от школьной учительницы точно никто подвигов не ждал. Но и отказывать в праве на них не стали.

Я стиснула голову, пытаюсь успокоить себя. Покачнулась влево. Вправо.

Сделала глубокий вдох, как учила мисс Уильямс: «Твоя беда в излишней поспешности. Учись сдерживать порывы, Уна, сколь бы естественными они тебе ни казались».

Научилась. Почти.

– Бедняжка переживает... – донесся тихий голос матушки. – Мне кажется, что она так и не пришла в себя...

Пришла.

Еще вдох. И мисс Уильямс тоже здесь, правда, не с медведем, с пумой, чья шкура висит за спиной. И снимок сделан давно. Посерел, выцвел, но мисс Уильямс на нем совсем юная, почти ребенок. Правда, ружье она держит крепко. И это выражение лица – упрямое и в то же время несколько растерянное – мне хорошо знакомо. Я зацепилась взглядом за снимки, которые видела не раз, но раньше мне было не до этой стены. А теперь я стояла, разглядывая одну фотографию за другой, и удивлялась, почему раньше не обращала на них внимания.

Мистер Эшби в черном своем костюме. И с саквояжем, с которым он, кажется, и во сне не расставался.

Они вдвоем с мисс Уильямс, которая здесь без ружья, зато в белом халате медицинской сестры. Надо же... а вот и Ник. Когда? Старшие классы, определенно, незадолго до отъезда. Ник пухлый, нелепый немного, но тоже с саквояжем.

Клайв, сгорбившийся, будто пытающийся спрятаться за кустом. Здесь он тоже другой, застывший, напряженный. Пальцы стискивают крест, а в глазах читается готовность бежать. Или, наоборот, броситься? Впрочем, нет. Клайв слишком труслив и набожен, чтобы броситься на людей. Так что просто снимок такой... неудачный? Или наоборот?

А вот и я. Странно было видеть себя здесь.

И когда меня сняли? Точно согласия не спрашивали, я бы запомнила. А снимок... неправильный. Я на нем сижу вполоборота, сгорбленная какая-то, выразительно-некрасивая. И книга в руках лишь усугубляет то нелепое впечатление, которое создает эта фотография.

Вихо?

Сердце обмерло. Он был похож на отца. Он был настолько похож на отца, что матушка гордилась данным фактом, будто в этом сходстве имелась личная ее заслуга.

Он смеется.

Он всегда смеялся громко и голову запрокидывал. Темные волосы и перышки в них. Клетчатая рубашка. Солнце на плечах. Снимок сделан незадолго до отъезда Вихо. Я помнила эту его рубашку, которая по возвращении отправилась в сундук ненужных вещей.

А после оказалась в моем доме.

Я вытаскивала ее недавно, когда собственная развалилась. И от рубашки пахло табаком и немного травкой, которую Вихо покуривал. Но так все делали. И я его не выдала. Я всегда умела хранить секреты.

– ...Конечно, мелкая, я вернусь. Обязательно вернусь! Чтоб мне землю есть. И писать буду каждую неделю. А потом приеду, на каникулы... так что не вешай нос. Лучше учись давай. Кем хочешь стать?

– Егерем...

И он снова смеется.

Женщин-егерей не бывает. Всем это известно.

Пальцы мои коснулись рукава куртки и эмблемы на нем. Круглая. Гладкая. Стершаяся почти.

– ...Ну ты, мелкая, и даешь. Когда только выросла... и все-таки егеря? Помощник? Отпад... кому сказать, не поверят. Матушка злится? Да, мог бы и не спрашивать, но ты все равно молодец. Конечно, занятие не для женщины, но и ты у меня не просто так женщина. Ты у меня особенная.

Плакать у меня никогда не получалось. И я закрыла глаза. Надо Нику сказать, ведь именно он утверждал, что тогда, в тот раз, что это не Вихо, что...

– Это Деккер, – Маккорнак подошел со спины. – Он у нас любитель. Мечтал в репортеры пойти, но не сложилось. А камеру купил. Хочешь, я попрошу, и он тебе отпечатает? Пленки он хранит.

– Спасибо.

Просить стоило бы мне, но я не умела.

Проклятье, я ничего не умела, когда речь заходила о людях.

– И эту тоже? – он ткнул пальцем в мой снимок.

– Нет.

– Зря.

Может, и так.

– А...

Матушка ушла.

– С вами хотят поговорить по очереди, – Маккорнак развел руками, и показалось, он чувствует себя виноватым. За что? – Таковы правила. И вообще... может, это они ошиблись?

Слабая надежда.

– Нику звонили?

– Нет. Просили родню, а он... просто приятель.

Я кивнула.

Просто.

Просто приятель. Просто человек, который знал Вихо лучше прочих. Просто тот, кто две недели провел в пустыне, возвращаясь, только чтобы пополнить запасы воды, но отыскал-таки машину. И тело неподалеку.

– Ник говорил, что не верит, – мне было проще разговаривать, стоя к собеседнику спиной. Отчасти и поэтому меня считали странной. – Что... это не мог быть Вихо, но...

– Я настоял.

– Да.

Губы кусать не стоит. След остается. Много красных точек, будто москиты погрызли. И я пытаюсь совладать хотя бы с этой дурной своей привычкой.

– Гм... мне жаль, но эти поиски... пустыня не всегда отдает свое. Ты же знаешь.

Я кивнула. Знаю.

Пески...

Люди порой уходили, чтобы не вернуться. Тот же старик Дерри, в котором драконьего было куда больше, чем человеческого. Или Грейсленд. Его искали всем городом, но безуспешно. Мик-Спиди, заядлый самогонщик, веривший, что уж он-то пустыню знает.

Крогвар.

И чужаки, время от времени решавшие, будто до Долькрика не так и далеко, час дороги. Иногда пустыня оставляла машины. Железо ей не нравилось. Куда реже удавалось находить тела. Сколько на кладбище пустых могил?

– Останови я поиски, вы бы, во-первых, не послушали. А во-вторых, продолжили бы носиться с мыслью, что он каким-то чудом выжил. Да и... я сам верил. Честно.

А вот врать у него получалось плохо.

Но я кивнула.

Глава 7

Матушка вышла.

Она выглядела одновременно рассерженной и несчастной, впрочем, второму я не слишком верила, поскольку слишком уж она свыклась с этим, однажды созданным образом бедной женщины. А вот злость – та была настоящей.

Губы поджаты.

Глаза прищурены. Пальчики стискивают розовую сумку так, будто матушка с трудом сдерживается, чтобы не разодрать ее на куски.

И все же она справляется с собой.

Делает вдох. Отпускает сумочку, которая повисает на ремешке, и касается пальцами лица. Подхватывает несуществующую слезу и говорит:

– У вас... не найдется воды? – ее голос дрожит, и Маккорнак верит.

Ей все верят.

Он спешит успокоить несчастную женщину, а меня ждут. За дверью. За этой вот тонкой дверью, где меня будут спрашивать про Вихо.

Только ли про него?

Внутри холодеет, а пальцы мелко подрагивают. Я чувствую страх. И он сильнее меня. Еще немного – и я сбегу, хотя нельзя. Тот, кто бежит, он заранее виноват.

В чем? Неважно.

Я делаю шаг к двери. Я, замороженно уставившись на нее, протягиваю руку, касаюсь шершавого полотна. Толкаю. И дверь подается.

– Добрый день, Уна... – этот голос смутно знаком, как и мужчина в сером гражданском костюме. Я моргаю.

Я хочу разглядеть его, но не получается.

Он стоит напротив окна, и солнце светит мне в глаза, стирая черты его лица. Я вижу только костюм. И еще загорелые руки. Белые полосы манжет. Запонки круглые. Они украшены зелеными камнями, и это вдруг кажется неуместным франтовством.

– А ты мало изменилась.

Том? Быть того не может!

– Томас. Томас Хендриксон, если ты помнишь, – он чувствует мою неловкость и делает шаг навстречу. А я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отступить к двери.

Протягиваю руку.

И ее берут, осторожно так, будто опасаясь причинить боль, сжимают.

– Ты изменился, – собственный голос я слышу словно бы со стороны.

– Так... сколько времени прошло.

Он высокий. Выше меня.

А это случается редко, потому что даже Маккорнак одного со мной роста. Билли был ниже, и это его злило. В том числе и это злило.

Томас.

Надо же... изменился? Или нет? Я не помню. То есть все помню, кроме лица. И еще то, что он светлым был. И светлым остался. Правда, теперь волосы не торчат дыбом. Аккуратная стрижка.

Правильные черты лица. И зубы на месте.

– Фарфоровые, – он понял, на что я смотрю, и широко улыбнулся. – Лучше тебе не знать, во сколько они обошлись...

– Я...

Сглотнула.

А если... если он здесь? Выгнал Маккорнака из собственного его кабинета. Это ведь не просто так? Приехал из Тампески.

– Успокойся, – мою руку он отпускать не спешил. – Я не собираюсь мстить. Да и... по меньшей мере мстить следовало бы не мне. Я был глупым наглым мальчишкой, который вовремя получил по заслугам.

Томас потянул меня за руку, заставив шагнуть к стулу.

– Садись. Пить хочешь? Или, может, попросить, чтобы чаю принесли? Ты выглядишь усталой.

– И грязной.

Не знаю, зачем я это сказала. Наверное, затем, чтобы сказать хоть что-то.

– Есть немного. – Его фарфоровые зубы было не отличить от настоящих. – В горах была?

– Была.

– Кто-то...

– Изумруд. Помнишь?

Он покачал головой. Ну да, откуда ему. Местные драконов видели, но издали. И имен знать не могли. А костюм ему идет. И прическа эта. И сам он... матушка сказала бы, что вышел в люди. Вышел. Вижу.

– Мне к горам ходить запрещали.

– А ты слушал?

– В тот раз, когда ослушался, папаша вытащил ремень... он его частенько вытаскивал, порой просто чтоб мы не забывали, кто в доме хозяин. Но в тот раз... я неделю пластом лежал.

– Мне жаль.

– Пустое, – Томас отмахнулся.

И подвинул бутылку с водой. А я поняла, что дико хочу пить. У меня имелась своя фляга – глупо ходить в горы, не взяв с собой воды, но теперь захотелось именно этой, чистой, из стекла. Она вкусная, наверное. Вкуснее любой другой.

– Пей... Чтобы ты не думала всякого... тогда я на тебя злился. Ты и зубы выбила, и по лицу прошлась, – он повернулся боком, и я разглядела тонкую паутину шрамов. Со временем они стали почти незаметны, но не исчезли. – А отец еще добавил. За то, что позорю его... с девчонкой не справился. Не справились. Потом как узнал, что у меня нож был, так снова добавил. И к дядьке сослал. А дядька у меня из полиции. Он... в общем, выяснил подробности и сказал, что нам повезло, что если бы мы сделали то, что собирались, то сели бы. Он попросил своего приятеля, который в тюремной охране работал, устроить экскурсию. Знаешь... помогло.

Он открыл эту треклятую бутылку. И подал.

Холодную. С капельками влаги. Таковую, что... я взяла.

– Лицо мне подзашили. С зубами, конечно, сложнее. Оказалось, их нельзя делать, пока челюсть не вырастет. Так что злился я долго. Я решил стать копом, чтобы тебя посадить.

– И... как?

Вода, к огорчению моему, оказалась обыкновенной, разве что чуть пахла лимоном, но запах этот скорее раздражал.

– Как видишь, – он развел руками. – Сперва и вправду в копы пошел. Пару лет патрулировал, потом взяли в отдел по борьбе с мелкими правонарушениями. Там... не повезло наткнуться на один груз.

Я едва не подавилась водой.

Сказать?

Нет, я не настолько наивна, чтобы давать повод.

– И так уж вышло, что перевели, стал заниматься наркотиками, а потом уже и работу в Бюро предложили.

– И отказываться ты не стал?

Совпадение? Почему именно он? Из всех треклятых федералов, которые есть в Тампеске, почему именно он?

– Сама видишь. И да, теперь я понимаю, что обязан тебе всем. Не будь того... случая, кем бы я стал?

– Не знаю.

– И я не знаю. И знать не хочу. Я просто рад, что у тебя тоже все хорошо. Хорошо ведь? Я рассеянно пожала плечами. Наверное, неплохо.

Разве что деньги. И дурь, от которой я не избавилась.

Вихо. Билли? Молчу. Пью воду.

– Какие они, драконы?

Странный вопрос. И разве уместный? А с матушкой он о чем говорил? Матушка драконов ненавидит, полагая, что именно они меня испортили.

– Разные... как люди.

– А... покажешь?

– Драконов?

– Хотя бы издали. У меня бинокль есть.

– Покажу.

Почему бы и нет? И бинокль ему не пригодится. А драконы... они, конечно, чужаков не любят, но если попросить, потерпят.

– Ты за этим приехал? – Я допила воду и бутылку отставила.

А он покачал головой:

– Тебе ведь сказали? Он никогда не умел молчать.

– Вихо нашли?

– Нашли тело. Полукровка. Рост и возраст совпадают, но это еще ведь ничего не значит?

Конечно, не значит, кроме того, что Вихо года три как мертв и даже похоронен. Но вместо ответа я вновь пожала плечами. Он ведь и сам все знает, поэтому и молчит, и смотрит, ожидая... Чего?

Слез? Уверений, что они ошиблись? Или гнева?

Не знаю. Я стиснула кулаки:

– И вы хотите, чтобы я... опознала?

– Боюсь, опознавать там нечего. Но есть возможность сличить по крови. Если ты дашь согласие, то мы будем знать точно.

– А матушка?

– Отказала.

Я нахмурилась. Это совсем на нее не похоже.

– Сказала, что не желает беспокоить дух сына. И что кровь священна по вере ее предков.

Надо же, она про веру предков вспомнила. С какой стати?

– Возможно, она просто не желает лишиться надежды...

Какой надежды? Ее давно уже не осталось. Кажется, на третий день поисков. Или на четвертый? Потому что чудеса если и случались, то не в нашей пустыне.

– Так ты дашь согласие?

– Дам. И согласие. И кровь. Тебе?

Томас слегка наклонил голову.

– Здесь?

– Если не возражаешь. Я сегодня отошлю образцы. Ответ дадут через пару дней.

Я не возражала.

Он же, нагнувшись, вытащил из-под стола плоскую коробку, перевязанную широкой лентой. На ленте переливалась печать.

Томас развернул коробку ко мне.

– Убедись, что печать цела.

Я кивнула.

Силы во мне не было, ни той, которая позволяет айоха слышать мир, ни другой, присущей белым людям. Правда, как теперь я знала, далеко не всем. Одаренные встречались куда реже, чем гласили легенды.

– Шприц стерилен. – Томас надел тонкие латексные перчатки, которые на громадные его ладони налезли не без труда. – Как и игла. Мне сказали, что этого достаточно, но если ты не доверяешь, мы можем пойти к... здесь же еще остался какой-никакой врач?

– Ник. Эшби.

– Эшби... – протянул он с непонятым выражением. – Пошел, стало быть, по стопам отца?

– Пошел.

– В детстве я ненавидел его. И его черную сумку со шприцами. Знаешь, такие старые, огромные, с толстенными иглами...

Я стянула куртку и расстегнула манжету рубашки.

Мятой. И бурой. В горах разноцветье ни к чему, да и на буром пятна не так уж заметны, но теперь я вдруг поняла, что он заметит каждое. И то, от соуса, на рукаве. И темное, кровавое, на груди. Кровь из носу, но ведь объясняться глупо.

– Помочь?

– Я сама. – Мелкая пуговица упрямо не желала проскальзывать в петлю, а манжета оказалась до отвращения плотной. – Справлюсь.

Томас кивнул. И отвернулся. Надо же, какой тактичный. И все равно странно, что матушка отказала. Она слишком практична, чтобы цепляться за фантазии.

– Мои предки обычно лечили нас самогоном, а уж к мистеру Эшби обращались, когда самогон не помогал. Как правило... мне тогда было совсем погано. А он приходил. Расставлял свои склянки. И делал уколы.

Я молча протянула руку.

– Я пережму сосуды выше локтя. Кровь лучше брать венозную и с запасом. – Тонкий жгут перехватил руку и сдавил.

Я отвернулась.

Не то чтобы я крови боюсь, просто... не хочу больше видеть ее. И прав он. Мистер Эшби появлялся, когда все прочие средства не помогали.

Он приносил в дом едкий запах лекарств. И черный кофр.

Он садился на край постели и клал прохладную руку на лоб. Улыбался. И спрашивал:

– Что ж ты, девочка, так неосторожно?

А потом ощупывал горло.

Заставлял открывать рот. Заглядывал в уши. Он был ласков. И внимателен. А еще с ним приходил Ник, который садился рядом и брал меня за руку. Когда тебя держат за руку, укол вынести легче.

– ...Вы должны понимать, – бас мистера Эшби легко проникал сквозь дощатые стены, – что с вашей стороны было совершенно безответственно настолько запустить болезнь.

Ему отвечала матушка, но ее голос, тонкий и надрывный, не проникал сквозь пелену окружавшего меня жара. Я знала, что станет легче.

Мистер Эшби всегда приносил облегчение.

– Речь идет о прямой угрозе жизни. Это мракобесие, которое...

Жар отступал, а вместо него наваливалась усталость. И с ней – сон.

Следовало признать, что уколы Томас умел делать. Хрустнула печать, крышка коробки откинулась, позволяя разглядеть содержимое: небольшой шприц с тончайшей иглой. Она пробила кожу.

– Снимаю. Поработаешь кулаком?

Кровь темная. Пурпурная. Нарядная даже...

И все-таки, почему она отказалась?

Кровь медленно наполняла шприц, и в этой неторопливости мне виделось желание Томаса затянуть нашу с ним встречу.

А про деньги?

Нет, про деньги она точно не знала, иначе в жизни не оставила бы их в моей хижине. Матушка любила деньги той болезненной любовью, которая не оставляла места для иных привязанностей. Во всяком случае, для меня.

– Вот и все, – Томас вытащил иглу и ловко прижал к ране кусок ваты. – Зажми и держи.

Он вернул шприц в ящик и закрыл крышку. Нажал что-то по обе стороны, и ящик окутала белесая пелена, впрочем, почти сразу растворившаяся.

– Стазис. Встроенный артефакт. Обеспечит сохранность материала. Отправлю нарочным.

– А сам?

– Ты же обещала мне показать драконов.

И эта фарфоровая улыбка, за которой мне чудился намек, что ему далеко не только драконы интересны. Но... почему бы и нет?

Глава 8

Мы успели до заката.

Закат в горах – это, конечно, охрентельно красиво, но потом наступает такая темень, что налобный фонарь кажется бесполезной игрушкой.

Но мы успели.

Свой «студебеккер» я бросила на тропе, которую изрядно попортило бурей, а стало быть, выше третьего уровня найдется пара грязевых ям.

– Дальше пешком, – предупредила я Томаса. И еще мстительно подумала, что шерстяной его костюмчик – не самое подходящее для гор одеяние. А уж ботинки с длинными носами и вовсе никуда не годятся. – Если не передумал.

Он хмыкнул. И вытащил из рюкзака сверток, который превратился в весьма приличного вида шерстяное пончо.

Но ботинки все равно дерьмовые.

– Идешь за мной, никуда не сворачиваешь. В лужи не лезь, вытаскивать не стану.

Я подняла воротник куртки.

Ветер третий день держался с севера. Несильный, но пронизывающий, он имел дурную привычку выдувать и те крохи тепла, которые кое-как удавалось сохранить.

Томас поежился.

Но решительно зашагал вверх по тропе. Он не промолвил ни звука, даже когда мы выбрались на гребень и ветер, разыгравшись, лягнул его в грудь. Я привычно пригнулась, а вот его развернуло, почти опрокинуло. Но ничего, только пончо поправил.

Выше. И быстрее.

Солнце уже тянулось к морю, отражаясь в нем лужей расплавленного золота. От краев ее расплзалась белизна, прикрывая и уродливые скалы, и мертвый остов корабля, стоявшего здесь столько, сколько себя помню. Эта белизна прятала волны, и море казалось спокойным. Мирным даже.

А вот ветер швырнул в лицо горсть колючего снега.

– А здесь... бодрит, – Томас остановился, чтобы оглядеться. И вид у него был... да как у любого новичка. Я, когда впервые забралась на тропу, тоже стояла, рот разинув, не способная справиться с окружавшим меня великолепием.

Скалы гляделись черными.

А море – белым. И золотым.

Солнце в небе – крошечным и низким, руку подыми и сорвешь, сунешь диковинный этот плод в корзину.

– Мне казалось, что драконы не любят холода.

– Это смотря какие. – Ветер трогал мои волосы и щекотал шею хвостами косынки. – Флоридский болотный, тот да, холод переносит плохо, а наши, наоборот, в той жаре не выживут. Здесь им самое раздолье. Смотри...

Я видела темную искру на белизне моря. Она скользила, приближаясь, становясь все больше и больше, превращаясь из искры в змеиную тень. А та, поднявшись выше, распахнула крылья. И вот уже по-над морем прокатился рев.

– Лютый, – я двинулась по тропе, придерживаясь за ветки кустарника. Тот рос плотно, почти наползая на эту самую треклятую тропу. А она вилась по краю обрыва. И камни привычно скользили вниз, растворяясь в темноте. – Ты тут осторожно. И под ноги посматривай. Ветер северный, значит, где-нибудь да наледь будет...

Он шел, стараясь не показывать страха.

А я знала, что ему страшно. И удивительное дело, это понимание доставляло мне радость. Мстительную такую, гаденькую по сути своей, но все же радость.

...Билли однажды сунулся. И не смог.

Остановился где-то там, еще в начале, где тропа не подбиралась к самому обрыву. Сказал что-то вроде, что ему на хрен не упали мои драконы. И ушел.

А этот...

Лютый заревел вновь, поднимая стаю. И тени закружили, заплясали, выстраиваясь в хоровод. А я остановилась, позволяя Томасу перевести дух.

– Вот там, видишь, с широкими крыльями? Матушка Фло, старейшая самка в прайде. А рядом две поуже. Динь и Дон, сестрички, молодые совсем, пять лет только, но ранние... думаю, зимой поднимутся на крыло.

– А разве они...

– Летать они учатся рано. Но я о том, что в гон пойдут. А там, если повезет, и гнезда поставят. Рядом с ними Графит. И Янтарь. Янтарь уже довольно стар, но до сих пор пары не нашел. У драконов с этим сложно. Никто так и не понял, как они выбирают, но Янтарь явно нацелился на Динь. И ревнивый. Всех от нее отгоняет, даже Лютого.

– А тот...

Томас старательно не смотрел под ноги. И это правильно. Скала, конечно, крепкая, и тропа достаточно широка, особенно когда привыкнешь к этому, но все же нервы стоит беречь.

– Он старший в прайде. Сын Изумруда. И пару нашел еще до моего рождения. Ну что, подойдешь ближе?

– Еще ближе?

Кажется, эта затея больше не казалась Томасу столь уж привлекательной. Но он мотнул головой, словно убеждая себя, и сделал шаг.

Тропа отползла от обрыва.

Сквозь заросли дикого терна, который здесь рос низким, но удивительно цепким, мы пробрались почти без потерь. На ветвях блеснул иней, стало быть, к ночи снег выпадет. И надо будет проверить стариков, потому как теплые источники остаются теплыми, но на перемену погоды у них кости болеть начинают, отчего характер становится просто отвратительным.

Я вывела Томаса к малому гнездовью и, сунув два пальца в рот, свистнула. Ответом стало всполошенное хлопанье крыльев.

– На, – я запоздало протянула служебный амулет. – Повесь на грудь, а то мало ли... не хватало, чтоб меня за жареного федерала посадили.

Возражать он не стал. Разумно.

Первой добралась Искра. Она неловко сложила крылья, покачнулась, но удержалась, впившись когтями в неровный край утеса. Мелькнул длинный хвост. А змеиная шея протянулась над землей. Из пасти донеслось шипение.

– Тише, девочка, – я присела на корточки и протянула раскрытые руки к самой морде, позволяя обнюхать их. – Свои...

Щелкнули зубы.

У Искры они тонкие и слегка загнутые назад. А язык змеиный, раздвоенный.

– Свои, свои...

И шершавый. Он скользнул по ладони, сдирая кожу, обвил запястье и исчез. Искра заворчала, заклекотала, жалуясь.

Меня затопил поток эмоций. Огорчение: «Под крылом чешется. Тесно в норе. Нельзя летать. Злится. Кто? Лютый. Стережет. Рыбы мало. Принес большую, но лучше самой».

– Конечно, лучше... – я попыталась успокоить ее. Говорить с драконами много проще, чем с людьми.

Они не лукавят. Они не ищут в словах скрытых смыслов. Они не играют с намеками. Они таковы, какие есть.

Искра вздохнула, обдав меня горячим паром. Еще полгода – и железы окончательно сформируются. За ней на утес взбирался Лёд.

Снежно-белый, чересчур массивный, но это пока, пройдет время – и черты его обретут должное изящество. А пока над горбатой спиной нелепо торчали крылья, казавшиеся слишком маленькими, куцыми какими-то. Он тоже был встревожен.

И печален. Лёд часто грелся под крылом Изумруда.

– Да, они уходят, – я встала между ним и Томасом, который застыл, явно опасаясь привлечь внимание. А он что, думал, что смотреть станет, как туристы? С Дальнего утеса, окруженного пленкой защитного поля? И в бинокль?

Там и в бинокль особо не разглядишь.

Лёд вздохнул.

Он уселся на краю, обернув когтистые лапы хвостом. И лишь кончик того слегка подрагивал, выдавая волнение. Приподнялись шипы на гребне, верхние потемнели, стало быть, до линьки всего ничего.

– Это Томас, – я взяла старого недруга за руку, и пальцы его слегка дрогнули. – Он... пришел познакомиться.

Лёд склонил голову и приоткрыл пасть.

А Искра, неловко переваливаясь – на земле драконы изрядно теряли в грации и красоте, – обошла нас. И чувствую, Томасу стоило немалых сил просто стоять.

– Вы ему нравитесь. Верно?

Надеюсь.

Наши умники из института уверены, что дело в слабом эмпатическом даре, который свойствен любому из стаи. Точнее, те, у кого он не развит, просто не выживают. Может, эти умники и правы.

Они небось мозги Изумруду распилят, пытаясь понять, где этот дар прячется. А я лишь знаю, что драконы чувствуют людей. И точно знают, с кем не стоит связываться.

Искра вытянула шею. Наклонилась.

Втянула воздух. Ее язык высунулся, чтобы коснуться щеки Томаса. И, к чести его, он не отпрянул. Он даже заглянул в желтые глаза дракона.

И сказал:

– Ты красивая.

А она поняла. Вижу, поняла, поэтому и гребень вздыбила, крылья распахнула, показывая бледно-золотую чешую. Заворчал Лёд, который красоваться не привык. И я почесала его за ушной впадиной.

– Ты тоже красивый. И будешь еще краше. Просто расти надо... вырастешь большим.

Я не лукавила.

Костяк у него массивный, данные неплохие, и лет через двадцать – тридцать он точно Лютого догонит.

Спускались мы в темноте, и вела я по основной дороге, поскольку не было ни малейшего желания свернуть себе шею.

Томас молчал.

Мне тоже сказать было нечего. И лишь когда он едва не шлепнулся, оскользнувшись на склоне, я предупредила:

– Под ноги смотри.

А он кивнул, но все равно смотреть не стал. Вот же... еще шею свернет, доказывай потом, что все исключительно по воле случая.

- Они... удивительные. Я не думал, что они такие.
- Такие, – согласилась я. – Удивительные. Это да...
- И большие.
- Кто?
- Драконы.
- Эти?!

Томас подал мне руку, помогая перебраться через бревно. Похоже, дорогу придется основательно чистить.

– Это еще подростки. Им пара лет всего. К мелким, в гнездах, тебя бы точно не допустили, а эти... они уже и не под мамкиным крылом, но и далеко на море не пускают. Они любопытные. И к людям в большинстве своем настроены... спокойно.

– Значит, – Томас определенно нахмурился, похоже, пытаясь представить взрослого дракона, – они... потом будут больше?

– В несколько раз. Лютый, к примеру, взрослых косаток приносит. Не каждый день, – уточнила я, а то мало ли. – И не очень больших. Так они морских коров предпочитают или вот на тюленей охотятся. Иногда и рыбу ловят. Молодняк – тот любит нырять за треской, а взрослым она на один зуб.

Машина моя стояла там, где я ее и оставила, что было хорошо и даже замечательно.

– Куда тебя подвезти?

– К мотелю.

– Не домой? – Такта во мне никогда не было.

Томас покачал головой:

– Отец лет пять тому... ушел. Матушка переехала. А с братом мы никогда особо дружны не были. Я, конечно, найду, но...

Стеснять не желает.

– А ты вообще надолго?

Мотор завелся не с первого раза, словно намекая, что неплохо бы все же к механикам заглянуть, а то рискую я в горах застрять.

– Как выйдет... дело такое, мутное, – он устроился на переднем сиденье и руки на колени положил. – Пока самому мало что известно. Просто... велено отправиться, поискать родню, взять кровь. И задержаться. Меня вообще, подозреваю, отправили, потому как местный и вроде бы свой.

Свет фар расколочил темноту.

Я сползала с дороги медленно. Колеса скользили по грязи, «студебеккер» норовило повести то влево, то вправо, а то и вовсе развернуть поперек дороги. И шины лысые совсем. Руль выворачивался, но я справлялась. Пока. Я... дура... впечатление произвести... завтрашнего утра дожидаться не могла. Если сейчас сяду в грязевую яму или брюхом на камень, вот смехуто будет.

– Так что пару дней побуду, пока результаты придут. А там видно будет. Послушай... – он поерзал, и это ерзанье совпало с тем, что нас занесло влево. Я зашипела и сбросила скорость, которая и без того была черепашей. – Как думаешь, мисс Уильямс... если ее навестить?

– Будет рада.

Он кивнул:

– А цветов здесь?..

– На поле нарвешь.

– То есть купить по-прежнему никак?

Я хмыкнула:

– Кто будет платить за то, что можно взять бесплатно? Не хочешь на поле, у миссис Клопельски в палисаднике отличные эти... георгины. Или хризантемы? Но сразу предупреждаю,

у нее ружье имеется. И стреляет она покруче твоего папаши. Что? Знаешь, сколько желающих на эти георгины? Или хризантемы...

А смех у него был приятным.

Только не стоило обольщаться, что это что-то значит. Я довезла его до мотеля, точнее той конуры, что выдавали за мотель.

– Я загляну завтра, – сказал Томас.

Я же пожала плечами. Пускай себе.

Глава 9

В этом треклятом городке ничего не изменилось.

Узкие улицы. Пыль.

Мальчишки, которым было нечем заняться, и от безделья они сбивались в стаи, а уже стаи вяло воевали друг с другом за пустые дворы и темные переулки. Иногда в переулках появлялись крысы, и тогда мальчишки оживлялись.

Крысиная охота – то еще развлечение.

Томас потер нить шрама на левой руке и поморщился. Порой крысы защищались.

В мотеле гуляли сквозняки. Домишко этот, перестроенный то ли из сарая, то ли из коровника, отличался какой-то особенной несуразностью. Он был длинен и низок. В расположенные на разной высоте окна свет почти не проникал, зато остатки тепла уходили.

Да и какое тепло?

Дощатые стены. Скрипучие полы. И вездесущая плесень, которая обжила и стены, и подоконники, и по потолку поползла ржавыми пятнами.

Зато хозяйка мотеля не изменилась.

– Чего домой не едешь, Томми? – поинтересовалась она, сплевывая табачную жвачку прямо под ноги. – Не рады будут?

– Не хочу стеснять.

Она хохотнула. И ключ кинула:

– Надо будет одеяло, скажешь. Тебе бесплатно.

Ключ, слегка погнутый, но почти чистый, Томас взял. И поинтересовался:

– Что здесь вообще нового?

Миссис Гольстром хмыкнула:

– Вынюхиваешь?

– Работа такая.

– А приличным парнем был. Папаша твой небось в гробу переворачивается. Он федералов крепко недолюбливал.

Она была толста и неопрятна. Она носила цветастые балахоны, до того одинаковые, что, казалось, различаются они лишь пятнами.

На одном – от соуса. На другом – от горчицы. Третье и вовсе пестрит мелкими темными – то ли крови, то ли сока. Нынешнее миссис Гольстром украсила воротничком. Даже почти белым.

– Но ты ж у нас не просто так, ты ж у нас по делу, верно?

Передние зубы она давно потеряла, поговаривали, что еще в той жизни, в которой был весьма бодр покойный ныне мистер Гольстром с его страстью к выпивке и игре.

– По делу, – согласился Томас. – Может, разрешите вас угостить?

– А вежливый какой... фу-ты ну-ты... угощай. Эй, Кир, сгоняй за выпивкой. И пожрать пусть дадут.

Мальчишка, служивший и горничной, и носильщиком, и прочим обслуживающим персоналом, вынырнул откуда-то из подсобки и застыл с вытянутой рукой. Пятерка мигом исчезла в рукаве.

– Сдачу чтоб принес, дьяволово семя.

Она уселась на высокий табурет и сказала:

– Спрашивай.

– Если бы знать о чем... слышал, старый Эшби ушел?

– А то... давненько уже. Слышала, молодого Вихо нашли?

– Нашли.

– Неподалеку?

– Есть такое.

Она кивнула и, вытащив из кармана пачку табаку, отрезала кусок, сунула за щеку.

– Будешь?

– Воздержусь.

– И правильно...

– На его месте теперь Ник?

– А кто еще? Кто ж может быть, если не Эшби... туточки он... про него, стало быть? С чего бы это?

– С кого-то ведь надо.

– Твоя правда... и чего сказать? Эшби – он Эшби и есть. Вот взять тебя, ты у нас вежливый, лощеный весь из себя, что коровья задница, но сковырни чуток, и нутро попрет. Нутро-то старое, что у тебя, что у папашки твоего, что у деда. Хоть ты весь наизнанку вывернись, а себя не перекроишь. Эшби, они... эти... ристократы. Вот.

Она даже жевать прекратила, довольная тем, что смогла произнести слово, столь простое.

– И всегда были, сколько себя помню. Старший-то Эшби, не нынешний, а тот, который его папенька, тот по городу гулять любил. Костюмчик нацепит, рубашечку белую, тросточку возьмет. Машина у него была знатная. Из-за океана везли, да... верно, в гараже где-то стоит, не слышала, чтоб ее продавали. А встретит кого, раскланивается. О делах спрашивает... до баб, правда, охоч был. Но не так завалить, а ухаживал, цветы слал... наши-то и довольные. Не мужики, бабы, конечно... мамка моя сказывала, что и его папаша... жену, правда, не отсюда взял. Привез. Красивую, да... правда, тут ей не больно-то понравилось. Небось думала, что станет во Фриско жить или еще где, но не в нашей глуши. Тут и койоты от тоски дохнут, что уж про красивую женщину говорить? Вот она сына выродила, и все, только ее и видели...

– Это ведь давно было?

– Давно. Только ты не спеши. Такие, как Эшби, они прошлым живут. И он свою маменьку не простил. Сказывали, что она после объявилась, как деньжата закончились. То ли любовник ее бросил, то ли что-то там другое не заладилось, да скандал был... только он ее не простил. Мол, я тебе был не нужен, стало быть, и ты мне не нужна.

Этого Томас не знал. Он вообще не представлял старого Эшби молодым.

Вернулся мальчишка с пакетом еды и парой бутылок дешевого виски.

– Будешь? – миссис Гольстром вытащила из-под стола замызганные стаканы.

– Лучше чаю. Если можно.

– А коль нельзя, будешь сидеть и глазами лыпать? Хватит уже играть в этого... ристократа. Эй, сделай ему чайку, да покрепче! И сдача где? Ишь, дьяволово семя...

А вот гамбургер был горячим и сочным, щедро заправленным горчицей и соусом. Он исходил жиром, и Томасу пришлось наклониться, чтоб жир этот не испачкал костюм.

– Вот. А Эшби, он бы салфеточку постелил.

– А здесь есть салфеточки?

– Еще чего не хватало! Я с полотенцами умаялась. Если б ты знал, как их ухайдакивают студенты... что они с ними делают? Задницу подтирают, что ли?

Это предположение было произнесено тем задумчивым тоном, который заставил Томаса насторожиться. И заодно сделать мысленную заметку – полотенца не трогать.

Ну их. А то, может, и вправду...

– Так вот, смех смехом, а с ним та же история приключилась. Почти та же... жену он взял не здесь, хотя многие не отказались бы. Сам понимаешь, Эшби – это Эшби...

Столп местного общества и гарант того, что земля останется землей, небо небом, а драконы драконами. При воспоминании о них Томаса слегка передернуло.

Он и не думал, что они настолько... подавляюще?

Огромные когтистые твари.

Ужасные. И завораживающие какой-то нечеловеческой красотой.

– Уехал учиться. Они всегда уезжают, и не в Тампеску. Эшби требуют самого лучшего, да...

И надо будет выяснить, где учился Вихо. Впрочем, он вряд ли уехал дальше Тампески. Дружба дружбой, а деньги деньгами. Сомнительно, чтобы старик Эшби стал бы тратить на этого раздолбая.

– ...А вернулся уже с невестой. Такая, знаешь...

– Аристократка?

Каплю соуса Томас поймал пальцем и, плюнув на все правила хорошего тона, палец обли- зал, к немалой радости миссис Гольстром.

Да, он точно не аристократ.

– Во-во... твоя правда... тоже... одевалась так, что наши кумушки на дерьмо изошлись. Наверде все простенькое, только сидит, что твой кружева. В Тампеску ездила, да. Кстати, школу она открыла. Раньше-то как? Кто умел читать, тот своих и учил. Была родня в Тампеске? Туда и отправляли. Еще патер О'Нил, если помнишь его?

– Помню.

Строгий суровый пастор, который на всех взирал так, будто насквозь видел. В присутствии невысокого этого человека даже отец терялся, становился будто бы меньше и незначи- тельней. Оттого и не любил в церковь заглядывать, разве совсем уж по большим праздникам, когда не идти становилось невозможно.

– Вот... он еще учил, но в годах был, да и терпения ему Господь недодал, что правда, то правда. А вот миссис Эшби школу затеяла. Домик купила. Ремонт сделала. Не сама, конечно, пригласила... наши-то не больно-то обрадовались, решили, что затея дурная. Кое-кто и вовсе отказался детей отпускать. Но тут Эшби и шериф... отец нынешнего, да... пригласовали они крепко. Так вот, созвал всех. Думали, пугать станет, наши-то иного языка не понимают, а он и давай объяснять, что, мол, без школы ныне человеку никак. Что коль они добра детям желают, то и думать должны, как эти дети дальше жить будут. Станут ли они песок ковырять или, может, в люди выйдут. Поступят в колледж или, чего уж тут, в университет... наши не больно поверили, конечно. Где Долькрик, а где университет? А тут уж Эшби встал. Сказал, что лучшим ученикам стипендию положит. Мол, его предки город строили, ему и отвечать. А перед этим еще и институт объявился. Да... – она кивнула, соглашаясь с собственными вос- поминаниями. – Приехали. Наши и поглядели на умников. Ходят в костюмчиках, все из себя. Дома им поставили. Техники туда нагнали такой, которую наши в глаза не видели. Они и рабо- чих своих привезли, потому как наши только и способны, что дерьмом драконьим торговать. Но и дерьма прикупили. Для этих... как их...

– Анализ?

– Точно. Но в головешках завертелось. Кому неохота, чтоб твой дитенок в люди вышел? Чтoб вот так, в костюмчике, другими командовал. Так что школа пришла... и мисс Уильямс выписали.

– А она разве...

– Не, не местная. – Миссис Гольстром приложила к бутылке и фыркнула: – Гадость... не, не мисс Уильямс. Баба годная, хоть и с гонором... не захотела в любовницах ходить, решила, что старой девой лучше. Может, оно и так, да...

– В каких...

Миссис Гольстром отмахнулась и вытащила второй бургер, от которого откусила солид- ных размеров кусок. Его она проглотила, почти не пережевав. И запила из бутылки.

– Когда... с Эшби несчастье приключилось... так вот, все думали, что он во вдовцах ненадолго...

– Погодите. Какое несчастье?

– А... точно... ты ж сам... ты с Ником одного году будешь? Или около того? Так вот, она Ника родила, это да... Эшби всему городу выпивку выставил. А потом года не прошло, как головой повредила.

– В каком смысле?

Странно, что Томас не помнит этой истории. Вернее, он, конечно, был младенцем, когда она приключилась, но в маленьких городках прошлое рядом.

Магушка любила обсуждать соседей. И почему ни разу не затронула Эшби? Или... они для местных табу?

– В обыкновенном... не буду врать, точно не знаю, чего с нею не так, но в дурку спровадил. Думали, разведется, а он нет, мол, неможно, не по совести и предки не одобряют. Эх, несчастливые они. Богатые, а несчастливые...

И это само по себе кажется подозрительным.

– Тут много всякого болтали, – миссис Гольстром оторвалась от воспоминаний. Грязные пальцы она вытерла о кружевной воротник платья, икнула и приложилась к бутылке. – Народ горазд выдумывать, да только правды никто не скажет. Даже если клясться станут, что наичистейшая, не верь. Чего там было на самом деле, может, только старик и знал. А что до учительки, так она аккурат в его вкусе была. Тощенькая. Аккуратенькая. Леди. И сыну мать опять же. Он в школу заглядывать стал. Она пошла в медсестры. Пункт помощи открыли, при школе, да... вот наши и ждали, когда о помолвке объявят. Да не случилось. Встречаться встречались... то ли он побоялся, что и с нею чего приключится, если фамилию примет. То ли за сына? Она-то мальчика привечала, да всем известно, пока у бабы своих детей нет, то и чужие родными мнятся. А появишься у нее кто? Нужен стал бы ей наследничек? Эшби ж свою кровь берегли... как бы там ни было, он до самой смерти к ней заглядывал. И Ник теперь вот тоже. Небось роднее матери...

Что ж, мисс Уильямс Томас и сам навестить планировал. Выходит, правильно. Будет о чем поговорить.

– А с Ником что?

– А что с Ником? Уехал учиться, после вернулся... Эшби-то уже немолод был. Женился он поздно, как и его отец. Будто... и вправду драконы прокляли.

– Что?

Миссис Гольстром поскребла щеку. Кожа у нее была неровной, в рытвинах и оспинах, а ногти обрели характерную желтизну.

– Так... старик-то... давно еще, когда тут ничего, кроме драконов, не было... магом был, сильным магом, да... поговаривают. Он спеленал драконицу и похоронил живьем... жертва, стало быть...

В магии Томас смыслил ровно столько, сколько вместилось в обязательный курс основ магии, естественно, теоретический.

Бюро со всяким сталкивается, да.

– А дракон его проклял. Мол, пока драконьи кости под домом в прах не обратятся, будет род жить, только счастья не видеть... красиво, черт побери.

Она вздохнула тяжело, должно быть сетуя, что собственная ее жизнь слишком ничтожна, чтобы в ней нашлось место проклятию, тем паче родовому.

Какое родовое, когда и рода-то нет? Одна она.

– Потому и выходит, что жениться они женятся, а все несчастливо. И до последнего держатся. Ник-то поспешил... влюбился. В Зою. Помнишь Зою? Фильчер? Та, которая Луи Фильчера дочь?

– Помню, – соврал Томас.

– Ага... как же... она ж тебя моложе будет годков на пять. Ты как уехал, она совсем соплюхой бегала, а потом ничего, заневестилась. Такая раскрасавица, что прям страх берет... тоже уехала. Учиться. Не знаю уже, на кого там училась, да только вернулась, почитай, сразу после Ника. Сперва сидела, из дому носу не казала. Наши-то разошлись, насочиняли всякого, им бы только языки потрепать. Но мамашка ейная скоро всем укорот дала. Папашка-то у Зои тихий, а вот мамаша еще та стервь. Стала дочку то в церковь водить, то по городу. Потом и с Ником свела. Теперь локти кусает. Небось знать бы наперед, чем оно обернется... так ведь и знала, чай, местная. Только не поверила в проклятие-то.

Ее речь, плавная и спокойная, убаюкивала.

А Томас пытался понять, имеет ли отношение к делу проклятие Эшби? И существует ли оно вовсе? Или является плодом воображения, благо воображение у местных все ж есть, было бы чему зацепиться.

Совпадения? И не такие случаются. Но...

Старик Эшби был врачом. А Ник? Ему, как и Томасу, около тридцати пяти, может, чуть больше. И стало быть, мог? Вполне.

Он доктор, единственный в округе. И пациентов у него по всем городкам хватает. Веская причина не сидеть на месте. А если где и задержится, то никто не обратит внимания.

Томас мотнул головой.

Нет. Этак на любого доказательства найти можно.

Хирург. И операции совершать приходится, потому как до той же Тампески попробуй доберись. Он и кости пилить умеет, и раны зашивать...

Как и половина местных, кто охотой пробавляется.

Не то чтобы Ник был так уж симпатичен, скорее напротив, но Томас прекрасно понимал, чем чревата предвзятость.

– Так что у них приключилось?

– Долгехонько они кругами ходили. Ник-то после батюшкиной смерти испереживался весь. Сам не свой был... вот и утешили. Много ли мужику надо? А свадьба красивая была. Наряд из Нью-Йорка выписали... тысячу отдали. Деньги им девать некуда. Да будь у меня тысяча...

Она ушла бы на виски и гамбургеры.

– Оркестр привезли. Город украсили почитай весь. Церковь в цветах. На вертолете притащили... совсем голову потерял, да... Зои, конечно, раскрасавица. И держалась так гордо. Как же, теперь она Эшби... подружки небось совсем на зависть изошли. Жили... не знаю, как они жили. Мне небось не докладывались. Он ей машину прикупил, розовый кадиллак. Разъезжала по городу... с ним и с дружкой его...

– Которым?

– А то у Эшби приятелей много. Вихо, засранец. Появился аккурат перед свадьбой. Тоже хвост распушил. Наши вон поговаривать стали, что, глядишь, свадьбы и не случится, а эти двое расплюются до конца дней. Да только девка-то с головой, скоренько прикинула, что у одного капиталы Эшби, а у другого – дыра в кармане, а в ней вошь на аркане. Да... нет, так оно чин чином... Вихо свидетелем стал. И поздравлял... и после, конечно, слушок пополз, что с Зои они-таки договориться сумели ладком, но врать не стану, слухи у нас частенько ходят, а сколько в них правды – кто знает?

С Ником однозначно придется говорить. И вряд ли он будет рад этой встрече.

...Полный неповоротливый мальчишка в очках, которые вечно съезжали. Он поправлял эти очки, а без них близоруко шурился. Вздыхал.

Потел в своих наглаженных рубашечках.

И сжимался, стоило кому подойти близко. Он молча и терпеливо сносил затрешины, лишь улыбался этак виновато, чем доводил до бешенства.

В тот раз его подловили по дороге. Частенько за Ником приезжала экономка или старик Эшби, но случались дни, когда тот и сам добирался. Тут же всего ничего, с полмили вверх, к холмам. Вот за городом и подловили.

– Эй, жирдяй, куда спешишь?

Рубашонка запыхалась, как и пиджак. По лицу Ника катился пот, и сам он выглядел до того несчастным, что просто смех.

Томас и рассмеялся. Ткнул пальцем:

– Ты поглянь на него! От него воняет, как от свиньи...

И Джер, старый приятель, подхватил:

– Свинья и есть!

Кто-то из мальчишек помладше, живо признавших за Томасом право верховодить, захихикал. Стая окружила Ника. Они и сами не понимали, что происходит.

Они хотели пошутить. Немного.

Ткнуть толстяка пальцем в бок, поглядеть, как тот согнется. Может, подножку поставить. Или пихнуть так, чтоб на задницу плюхнулся. Кому в голову пришло схватить сухую коровью лепешку, Томас не помнил. Но дерьмо полетело в Ника.

А тот не стал отмахиваться.

Он сидел на земле, и плечи его мелко вздрагивали, а из носа ползла красная нить крови. И вид ее привел стаю в неистовство. Все вдруг словно с ума сошли.

И он сошел.

– Что вы творите?! – этот голос заставил мальчишек броситься прочь, рассыпаться, приворяясь, что они не вместе, они просто так... – А ну пошли вон!

Томас потом узнал, что заметил их старик Дерринжер. Он и помог Нику подняться, отвел к дому. А потом... потом в школу пришел Эшби. И имел беседу с мисс Уильямс.

И не только с ней.

Задница заболела. И спина тоже. Отец лупил не глядя... и тогда в какой-то момент Томасу показалось, что его убьют. Вот просто так, в запале. Он потерял сознание от страха, а очнувшись, понял, что не способен шевелиться.

Он слышал, как отец что-то говорит матери, но различил лишь:

– Скажи своему ублюдку... Эшби.

И понял, что во всем виноват Ник. Тогда Томаса затопила обида. Все это было... несправедливо! Нечестно. Неправильно! Ник... подумаешь, слегка измазали одежонку, так нехрен выделяться. Приходит... вечно... урод полный! Правильно Берг говорит, таких учить надо, чтоб неповадно было.

Если бы Томас мог, он бы... он сам не знал, что бы сделал.

На его счастье, он в постели пару недель провалялся, а потом и ходил-то медленно. Все тело болело, даже зубы...

Глава 10

– Забрюхатела-то она скоренько, года не прошло небось, поспешила. Так-то оно понятно, вдруг да Ник передумает? Сейчас-то развестись, что жопу почесать, а с дитем, оно всяк надежней, – миссис Гольстром и почесала массивный свой зад. – Ник и прежде-то от нее не отходил, а тут и вовсе блажить стал. Отправил в Тампеску на месяц, вроде как там клиника, наблюдать будут. А чего наблюдать? Когда баба крепкая, сама справится, а если чего не так, то хоть изнаблюдайся, ничего не сделаешь.

Бутылка с виски почти опустела.

– Ездил туда. Поговаривали, вовсе останется, но не тут-то было. Девице чегой-то там не глянулось, вот она и потребовала домой вернуть. Мол, чего ей в Тампеске делать? Каталоги вот привезла, чтоб приданое младенчику заказать. Наши-то ее упреждали, невозможно до родов-то, но разве ж послушает? Нынешние бабы себя самыми умными мнят. Ага... вот и она... выписывала, а Ник и рад был, деньги у Эшби имеются...

– Откуда?

К слову, интересный вопрос, над которым никто в городе не задумывался. А ведь и вправду: откуда? Эшби владели землей. И старым особняком, безусловно роскошным по сравнению с иными домами, но сам по себе особняк дохода не приносил.

А капиталы имелись.

На школу вот шли. На благотворительность. Да и образ жизни Эшби вели не то чтобы разгульный, скорее чувствовалась их привычка к хорошим вещам.

– Кто ж это знает. Ты это у Ника спроси.

Спросит.

И запрос подаст, потому как... непонятно все. И странно, что это непонимание вылезло лишь теперь. Почему Эшби вообще позволил сыну и наследнику ходить в деревенскую школу? Почему учителя не нанял? Денег не хватило? Не нашел? Не смешно. Та же мисс Уильямс вполне могла давать частные уроки.

Тогда зачем?

И ведь даже после той истории не забрал, хотя Ник наверняка не отказался бы...

– Так вот, об чем это я? А... приехала... а в Тампеску раз в месяц ее отвозил. Сам-то он тоже по бабым делам умел, тут же, кроме него, только пара повитух, да и те...

Работают без лицензии.

– Его наши любят. Ласковый он. Внимательный. За ручку держит, утешает... я-то сама пустая, а бабы говорят, что с ним и родится легче. Не лез бы ты к нему, мальчик. Не поймут наши.

Это точно, не поймут.

Эшби для города даже не символ, нечто гораздо-гораздо большее.

– И Зои с ним спокойна была. Мамку к себе забрала, а вот прислугу всю распустила. И правильно. Сама-то раскоровела перед родами, ни к чему, чтоб перед мужем сикухи задами крутили. Родила тоже легко... Эшби загодя какого-то доктора привез, медсестер пару, чтоб уж точно. Уговаривал в Тампеску поехать, но тут Зои рогом уперлась. Ну да родить родила...

Мисс Гольстром замолчала.

Она покачивалась на табурете, глядя перед собой, и лишь кривые пальцы ее шевелились, будто дергала она за невидимые нити.

– Рады все были... Ник и тот... назвал сына Александром... и все бы ладно, да нехороший этот год выдался. Нехороший... точно прокляли... как есть прокляли.

Она закивала, мелко и часто, спеша согласиться с этой очевидной, по ее мнению, мыслью.

– А потом Зои упала... мамка ее аккурат поехала в Тампеску. Племянница ейная замуж выходила, а перед свадьбой всегда руки лишние пригодятся. Ник-то нянек привез, только, стоило мамке за дверь, Зои их и выгнала, всех до одной. Мол, сама с дитем будет. Ник бы, может, когда б тут был... одно с другим... Вихо в пустыне заблудился.

Томас подобрался.

– Дурень... всегда дурнем был... вечно девок возил закаты смотреть... оно-то и ладно, дело молодое, хотя пора было бы остепениться. Ну да... в тот день небо ясным было, тут многие скажут, но драконы не летали. А это верная примета. Если драконы не летают, быть буре.

Томас кивнул.

Помнил он и такое. И отца, который ворчал, что день испоганен. Он на охоту собрался, а тут небо ясное и драконы не летают.

Колодец закрывать надо.

Скотину загонять.

И у матери дел множество, потому как белье развесила, а уже собирать. А Берт опять смылся и до вечера не объявится точно. Значит, Томасу в одиночку воду таскать придется.

– Поехать поехал... и вроде не один. Уна говорила, что накануне точно с девкой был, да... стало быть, в пустыню поперся романтику искать. А буря рано налетела.

И молчание.

Она прикрыла глаза, и казалось, еще немного – и старуха заснет, прямо так, на стуле, сгорбившись, согнувшись в неудобной позе.

– Ник как услышал, первым полетел искать. Он все ж места знал...

Как знал и привычки старого приятеля. И мог бы подобраться на расстояние удара. Или не удара? Чем парня отключили? Он ведь высокий, выше обычного человека. И куда сильнее. Чистокровные айоха бизона на плечах унести способны.

Проклятие.

– И две недели по пустыне мотался как проклятый, а женушка его, стало быть, с дитем... нет, там не совсем чтоб одна. Кухарка при доме было. И Клайв опять же.

– Клайв?

– Ты его помнить должен, матушка его экономкой в доме служила, потом и его к делу приставила. Даром что дурачок, зато аккуратный. Старик Клайва, как матушка его преставилась, на службу взял. Ник тоже оставил. Дом-то огромный, поди, пригляд нужен. Руки у Клайва откуда надо растут, да... только руки – одно, а голова не всем дадена... дом-то он охранял, но и только. А что там случилось, поди-ка пойми.

Она вновь испустила тяжкий вздох.

– Может, примерещилось чего ей. Может, не знаю, водички захотелось... Ник ее нашел. Аккурат домой вернулся... он машину дружка своего отыскал. Не только машину... там рядом и человека... его, правда, поели крепко. Стервятники, они же ждать неприученные.

Эксгумацию проведут, тут и гадать нечего, поскольку если был труп, то нужно понять чей. И как этот труп оказался рядом с машиной Вихо.

И почему одежда...

Хотя тут понятно. От одежды там немного осталось. Что стервятники подрали, до мяса добираясь, что лисы пустынные, что прочая мелочь. А носят тут одно и то же, поди-ка пойми, что за ошметки кровью пропитались.

– Обувь в машине нашли, вроде как Вихо. Документы там же. Наши и решили. Ник-то верить не хотел. Он и домой вернулся, чтоб отдохнуть слегка, а там дальше пойти. Но... не вышло. Зои нашел. И не только ее... – миссис Гольстром сползла с табурета, закричала, уперлась ладонями в спину. – Ох, грехи мои тяжкие... она вниз с дитём поперлась. После уж сказали, что она вовсе его с рук не спускала... не ела, не спала... вот и вышло... голова закружилась, и все... сама разбилась.

– А ребенок?

– Он же ж мелкий, придавила насмерть.

Ника стало жаль.

Того неловкого паренька, который смотрел так, будто заранее признавал себя виновным во всем, что происходит вокруг.

– Ее мамаша кричала, что это все Ник виноватый, что он недоглядел, что дружок ему важнее жены был, да только... наши все знают, что это с горя. Небось он-то все сделал. Няньки были, и сиделка, и служанки. Зои их выставила. Сама. И вниз сама поперлась посреди ночи. И дитё прихватила. На кой, спрашивается?

И вправду. На кой?

Что это? Послеродовое безумие, которое приключается со всеми, или часть чьего-то плана?

– И... как оно?

Осторожный вопрос. Но его ждут, и Томас соответствует чужим ожиданиям.

– Так... младенчик-то все. Много ль ему надо? Похоронили его тут же. А Зои в Тампеску отправили, Ник вертолет вызвал. И там, почитай, мало что больницу не прикупил, да только и деньги не все могут.

– Она ничего не сказала?

– Так... чтоб могла говорить, так сказала б. А то ж бревно бревном. Другой кто давно бы уже родителям отправил. А Ник, он ведь Эшби, – это миссис Гольстром произнесла с немалой гордостью, будто бы имелась некая тайная заслуга в том, чтоб быть Эшби. – Как выписали, так сиделок нанял. Привез из Тампески, они теперь при доме живут неотлучно, по сменам работают. Сколько им платит? Немало, видать... матушка Зои за ними приглядывает. Теперь. Сперва-то дочку себе забрать все хотела, да поняла, что не вытянет. Ее ж там и кормить с ложечки, и ворочать, и эти... как его... массажи, вот. А еще Ник ее то и дело возит – то в Тампеску, то еще куда... вроде как санатории.

Интересно.

И странно? Или нет? Томас отвернулся к стене, по которой медленно полз таракан. Крупный, черный, с длинными усами, он замер ненадолго, чтобы исчезнуть в ближайшей щели. Надо думать, был он не единственным постояльцем мотеля.

– Так что... вот оно как...

А с Ником встретиться определенно надо. Если он нашел машину, то... может, что-то видел?

Или нашел, поскольку точно знал, что искать?

В окнах дома горел свет.

Я выбралась из машины. А нож сам собой скользнул в руку, впрочем, тотчас исчез в рукаве: не заметить розовый «купер» матушки было невозможно.

Интересно, какого черта...

Пахло свежим хлебом.

– Дорогая, – матушка поправила цветастое покрывало, – ты слишком много работаешь.

– Привет.

– Добрый вечер, – она разглаживала несуществующие складочки и выглядела до отвращения заботливой. – Иди мой руки, давно пора ужинать. Я взяла на себя труд заехать...

Руки я мыла, пытаюсь понять, что же ей на самом деле надо.

А ведь надо, иначе не пришла бы.

И эта уборка... я бы и сама справилась. Когда-нибудь. Паутина в углах, если подумать, мне вовсе не мешала.

– ...Я слышала, тебя повысили?

– Да.

– Садись, – она подала миску с горячей кашей и хлеб.

А я... я взяла.

И почему-то подумалось, что так она встречала отца, когда тот еще работал. А после подавала еду Вихо. Мое же место было на кухне.

Матушка устроилась напротив, подперев щеку ладонью. И узкие глаза ее стали еще уже, а на губах застыла улыбка.

– Что тебе нужно? – я едва не подавилась этой треклятой кашей.

– Дорогая?

– Не стоит, мама. Ты... сколько лет ты сюда не заглядывала? И не заглядывала бы еще столько же, если бы не нужда. Вот мне и интересно, что тебе на самом деле понадобилось? Настолько, что ты... – я сунула ложку каши в рот и заставила себя проглотить ее. – Мы никогда не были особо близки.

– Потому что ты этого не желала.

Она встала и вышла, чтобы вернуться с высоким стаканом и молочником. Чистым, мать его, молочником.

– Ты всегда отличалась неженским упрямством. И нежеланием понимать, какая роль отведена нам Господом...

– И это тоже не стоит. – Молоко я любила.

Вот такое, чтобы холодное, просто ледяное. И в высоком стакане, и с хлебом, а тот солью посыпать густо-густо.

– Мне сказали, что ты гуляла с этим... наглецом, – мягкий упрек.

И матушка присаживается.

В своем костюме фиалкового цвета она смотрится чуждо. Такой женщине не место в полузаброшенной хижине на краю полузабытого города.

– Нельзя?

– Разве тебе что-то запретишь?

Наверное, нет.

Или да? Может, я стала чуть взрослее и чуть умнее? Может, я бы прислушалась к совету, если бы кто-нибудь удосужился его дать.

– Но меня интересует, о чем вы говорили?

– О драконах.

– И только?

– И только.

– А...

– Он не из болтливых.

– Или ты не проявила должного усердия, – вот теперь матушка поджала губы. – В тебе никогда не доставало деликатности.

Это да, чистая правда. Деликатности во мне было не больше, чем изящества в старом седле Дерри.

– А почему ты отказалась давать кровь?

Матушка пожала плечами. Отвечать не будет.

– Ты ведь дала?

– Да.

– Им этого хватит.

Хватит. Наверное. То есть Томас уверен, что хватит.

– Результат будет через пару дней.

Кивок.

– Но мы ведь знаем, что это он? – я смотрела на матушку, а та отвернулась, зацепившись взглядом за лоскут паутины. И как он уцелел при внезапной этой уборке? Почему уцелел? И теперь она разглядывала этот несчастный серый лоскут, будто в нем сосредоточилось все зло этого мира.

– Мы ничего не знаем, Уна, – матушка поднялась.

Стук ее каблучков отдавался в моей голове, порождая ноющую боль. Изыщные пальчики обхватили рукоять метлы.

– И мы ни в чем не можем быть уверены...

Она смахнула несчастный клочок.

– Но я буду несказанно благодарна тебе, если ты проявишь немного... простого женского внимания. А заодно узнаешь, что именно они ищут.

Матушка обошла стол и, наклонившись, коснулась губами моей щеки.

– Зачем?

– Затем, что память иногда лжет. А прошлому следует остаться в прошлом. Но ты кушай, дорогая. Ты совсем похудела, а женщине нужны формы...

Метла отправилась в угол.

А матушка вытерла пальцы батистовым платком:

– Может, ко мне переедешь?

Я покачала головой. Во-первых, мы точно не уживемся. А во-вторых... во-вторых, как бросить дом? И двести пятьдесят тысяч долларов?

– Как знаешь, – матушка не настаивала. – В таком случае я буду заглядывать. Как ты думаешь, если я привезу шторы? Те, помнишь, желтые с полосой? Здесь станет намного уютней.

Я закрыла глаза. Может, найти повод и поссориться вновь?

– ...И посуду. Нельзя же есть из битых тарелок?

Глава 11

У Луки имелась и собственная карта, пусть и не столь подробная, как у мистера Боумена, но вполне пригодная для работы.

Со стороны работой это не выглядело.

Бумажные флажки. Скрепки. И острые канцелярские кнопки, протыкавшие бумагу с хрустом.

– Развлекаешься? – Милдред Янковски отличалась высоким ростом, который не пыталась скрывать, но, напротив, словно издеваясь над окружающими ее мужчинами и их комплексами, подчеркивала, выбирая четырехдюймовые каблуки.

Узкая черная юбка. Белая блуза. Вязаный кардиган и тонкая нить галстука. Алая помада и светлые волосы, стриженные так коротко, что на макушке поднимаются хохолком.

– Развлекаюсь, – согласился Лука, поднимая очередной флажок. Он и имя написал.

Алиса Форвард.

Двадцать два года. Бывшая студентка. Отчислена после побега. Куда? Неизвестно. Но билет был куплен до Тампески, на двоих.

Парня нашли.

Надо будет повторно опросить, Лука точно знал, что в протоколы попадает едва ли половина информации.

Работа. Прорва работы.

– И как?

– За последние пять лет в округе... если брать шестьдесят миль, пропало две сотни человек.

Лука отступил и махнул рукой, изображая приглашение. Правда, в нем Милдред не нуждалась, это было скорее знаком вежливости и временного перемирия.

Милдред в Бюро недолюбливали. Мягко говоря.

Амбициозная. Беспринципная. Пожалуй, чуть более беспринципная, чем мужчины, ее окружавшие. И сильная. И что хуже всего – умная. А еще не желающая скрывать ни силу, ни ум.

– Из них нашли чуть меньше половины. Кто-то под бурю попал, кто-то заблудился в пустыне, кто-то... встретил большую любовь. Трое погибли.

В Тампеску парочка приехала вдвоем. Планировали податься к морю, где у парня имелся дом. Бабушкино наследство. Что еще нужно для счастливой жизни на краю мира?

Точно, не деньги.

Деньги у них закончились еще в дороге, а с ними, надо полагать, и дурь. Ибо в Тампеске – добирались туда автостопом – Алиса заявила, что с нее достаточно и она возвращается к родителям. Им она и позвонила.

А потом исчезла.

Ее даже искали, а парня задержали, однако предъявить ему было нечего, глупость неподсудна, а потому вскоре и отпустили.

– Из тех, кого не нашли... – Лука зачерпнул горсть синих значков.

Красных было пара штук.

– Фелиция Крейн, танцовщица в баре «Белый кролик». Ньювилль. Городок небольшой, тихий. Однажды просто не дошла домой, хотя жила в полуквартале от этого бара.

Флажок нашел свое место.

– Трейси Никлс. Девятнадцать лет. Студентка. Приезжала на лето, подрабатывала в отцовской лавке. Торговали всяким хламом. Драконы, драконьи когти, большей частью, подозреваю, фальшивые.

Милдред передвинула стул. Его, Луки, стул.

Она вытянула его на середину кабинета, села, закинув ногу за ногу, и юбку поправлять не стала, хотя та задралась совсем уж неприлично. И вид этих длинных белых ног сбивал с мысли.

– Товар брали у айоха. Отец с племенем в неплохих отношениях, вот и работали друг другу в помощь. Девушка часто бывала на их землях, но в тот раз не доехала. Кстати, искали и они, но пусто.

Легкий кивок.

Светлая прядь у уха. Милдред смотрит на карту, смотрит внимательно, пытаюсь обнаружить в этих флажках систему, но ее нет.

Лука точно знает.

– Синди Браун. Не единожды привлекалась за проституцию. Несколько раз уходила из дома. Через пару недель возвращалась. Поэтому и заявление подали не сразу.

– Так и не вернулась?

– Полтора года как уже...

– И все это... – Милдред указала на флажки. – Сколько здесь?

– Пятьдесят семь. Тех, кто подходит под его интересы, правда, я несколько расширил возрастные рамки. Порой женщины выглядят моложе. Да и сама понимаешь, чем шире сеть, тем больше шансов.

– Пятьдесят семь... – Милдред прикрыла глаза. – А дальше...

– Дальше интересно, – Лука отставил флажки. Системы или не было, или он ее не видел. – Видишь? Стоктон. С одной стороны находится чуть дальше того же Мидсторма, однако здесь статистика по пропавшим совсем иная. Во-первых, за пять лет пропало семеро, из которых четверо – старики с деменцией. Их, к слову, нашли. Из женщин исчезла лишь Лукреция Ферро, вдова местного чиновника, но ей пятьдесят семь, да и дом спустя год был выставлен на продажу. Оказалось, уехала с молодым любовником, тоже пропавшим. Юноше было восемнадцать. Из бедной неблагополучной семьи. Но в городе их бы не поняли.

Милдред фыркнула.

К подобным юношам она относилась с явным пренебрежением. Впрочем, как Лука подозревал, не только к ним. С мужчинами у Милдред явно не ладилось.

– То же самое видим в Аусвилле. И в Блю-Берри.

– Значит, он не выходит за рамки... Интересно почему?

– Может, далековато?

– Шестьдесят миль? Все городки стоят на дорогах, – Милдред разглядывала не карту, а собственные ногти, которые отращивала длинными и подпиливала, придавая треугольную форму. Ногти казались острыми. – Это пара часов езды... для местных, считай, рядом.

– Для местных.

– Дела?

– Частью доставили, частью везут. Кровь прибудет сегодня. Если повезет, парня опознаем.

Задумчивый кивок.

И ноготь у рта. Рот у Милдред крупный. Губы пухлые. И яркая помада подчеркивает его.

– А еще... – Лука повернулся к карте.

Спина заныла.

– Обрати внимание – Долькрик. Находится в центре, но при этом статистика пропавших крайне низкая...

Милдред поднималась мягко.

Тягучие движения, плавные, будто она перетекает из одной позы в другую. И запах ее духов заполняет кабинет. От этого запаха становится некуда бежать. И Лука чувствует себя жертвой.

– Возможно, – она смотрит на карту. И ноздри чуть подрагивают. Глаза блестят. Милдред возбуждена, но не стоит обманываться. Ее влечет не Лука, ее возбуждает грядущая охота. Вот она приоткрыла рот, и язык скользнул по нижней губе. – Возможно, ты прав, он не хочет гадить там, где живет. А возможно, дело в другом.

– В чем?

– Там нет туристов. Там все на виду...

Вот только парнишка, если и вправду это его останки лежат в лаборатории, был родом из этого крошечного городка.

Закрыв за собой дверь кабинета, Милдред прислонилась к стене. Она закрыла глаза. Так и стояла, ощущая спиной и неровность стены, и холод.

Скинула туфли.

Пошевелила пальцами. Ноги ломит все сильнее, и тянет достать из-под стола тапочки, которые Милдред надевала.

Иногда.

Не поймут. Засмеют. А то и хуже. Сожрут. Местные будут рады сожрать. Ее ненавидят, и теперь, следовало бы признать, заслуженно. Но тогда, раньше, когда ее только-только перевели... да у Милдред выхода не было, кроме как маску нацепить.

...Цыпочка какая... известно чья... ага... карьера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.